

ле расцвет каждого типа социологии является условием для процветания всех остальных, но они также могут с легкостью принимать патологические формы или стать жертвами изоляции и подчинения. Это поле власти побуждает нас к исследованию отношений между четырьмя типами социологии – того, как они различаются между собой в истории и в разных странах, формируя разновидности столь непохожих индивидуальных карьер. Наконец, сравнение этих дисциплин между собой указывает на связующее звено между нашей наукой и сообществом, или аудиторией, публикой ¹, подчеркивая особый вклад социологии в защиту гражданского общества, которое выдерживает осаду наступающих на него государства и рынка.

***

Так рисуют ангела истории. Его лицо обращено в прошлое. Там, где мы видим цепь событий, он видит одну лишь катастрофу, которая обрушивается ему под ноги один пласт обломков за другим. Ангел хотел бы остаться, разбудить мертвых, и воссоздать целое из осколков. Но штормовой ветер дует из рая; он с такой яростью наполняет его крылья, что ангел уже не может их сложить. Эта буря неотвратимо продвигает его в будущее, к которому он повернут спиной, в то время как гряда обломков перед ним поднимается до небес. Именно эту бурю мы называем прогрессом.

Вальтер Беньямин

Вальтер Беньямин написал свои знаменитые девять тезисов по философии истории в то время, когда нацистская армия продвигалась к его любимому Парижу, святилищу надежд на цивилизацию. Он рисует эту надежду в виде трагической фигуры ангела истории, безуспешно бьющегося с великим разрушительным наступлением цивилизации. Для Беньямина в 1940 году будущее никогда еще не выглядело более унылым, чем с капитализмом, перерастающим в фашизм, вкупе с социализмом, превращающимся в сталинизм, – наводняющими весь мир. Сегодня, в начале 21 века, несмотря на то, что коммунизм рассыпался, а фашизм – всего лишь страшное воспоминание, гора обломков продолжает расти до небес. Неконтролируемый капитализм питает тиранию рынка и бесчисленные формы неравенства в глобальном масштабе, а возрождающаяся демократия слишком часто становится тонкой завесой для влиятельных интересов, лишения гражданских прав, лицемерия и даже насилия. И снова ангел истории раскрывает крылья во время бури, террористической бури из рая.

¹ Publics – здесь переводится как общественность, аудитория, публика, группы общественности, сообщество, в зависимости от контекста. *Прим. ред.*

За публичную социологию

Майкл Буравой

Между социологическим этосом и тем миром, который мы изучаем, ширится пропасть. Вызов же публичной социологии состоит в том, чтобы разнообразными способами объединять усилия исследователей и самых разных групп общества. Проекты публичных социологов не должны остаться в стороне, напротив, их нужно сделать неотъемлемой частью нашей дисциплины. Так мы сделаем публичную социологию видимым и легитимным предприятием, оживив всю дисциплину в целом. Соответственно, если наметить условные границы разделения социологического труда, можно обнаружить антагонистическую взаимосвязь четырех типов знаний: профессионального, критического, прикладного ¹ и публичного. В идеа-

Множество людей, которых невозможно перечислить поименно, внесли вклад в этот проект. Однако автор хотел бы особо поблагодарить Сэлли Хиллсман, Бобби Спалтер-Рота и Карлу Ховери в отделении Американской Социологической Ассоциации (АСА) за их большую помощь, в том числе за предоставление данных и организацию устных обсуждений. Автор также благодарит за комментарии по черновику статьи Барбару Рисман, Дона Томасковик-Деву, их студентов, а также Чес Кэмик и Джерри Джейкобса. Видеозапись этого обращения доступна на DVD в Американской Социологической Ассоциации. Впервые опубликовано: Burawoy M. For Public Sociology. 2004 Presidential Address // American Sociological Review, Vol. 70, February, 2005. P. 4–28. Перевод впервые опубликован с разрешения автора: Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / под ред. П. Романова. Е. Ярской-Смирновой. М.: ЦСПИ, Вариант, 2008.

¹ Policy sociology – здесь переводится как прикладная социология, под которой подразумеваются социологические исследования по заказу учреждений и организаций. *Прим. ред.*

В самом начале социология желала быть этаким ангелом истории, пытаясь найти порядок в обломках современности, стремясь возродить надежды на прогресс. Так, Карл Маркс возродил социализм из отчуждения; Эмиль Дюркгейм освободил органическую солидарность от морального разложения и эгоизма. Макс Вебер, несмотря на его предостережения о «полярной ночи ледяной мглы», смог открыть свободу в рационализации, и вычленил смысл из разочарования. По эту сторону Атлантики Уолтер Е. Б. Дьюбуа стал первым деятелем движения пан-африканизма против расизма и империализма, в то время как Джейн Аддамс пыталась вырвать мир и интернационализм из пасти войны. Но затем буря прогресса наполнила крылья социологии. Если наши предшественники выступали за изменение мира, то мы зачастую его сохраняли. Сражаясь за место под солнцем науки, социология развивала собственное специализированное знание: в форме потрясающей, яркой эрудиции Роберта Мертона [Merton, 1949], сокровенной и величественной схемы Талкотта Парсонса [Parsons, 1937, 1951], в раннем статистическом изучении мобильности и стратификации, кульминацией которых явилась работа Питера Блау и Отиса Дадли Дункана [Blau and Duncan, 1967]. Анализируя 1950-е годы, Сеймор Мартин Липсет и Нейл Смелзер [Lipset and Smelser, 1961. P. 1-8] могли торжественно объявить завершение моральной предыстории социологии и полное открытие дороги науке. Не впервые идеи Конта захватили профессиональную социологическую элиту. Но, как и раньше, этот взрыв «чистой науки» имел непродолжительную жизнь. Буквально через несколько лет университеты – особенно с сильными социологическими факультетами – буквально воспламенились, охваченные политическим протестом, выступлениями за свободу слова, гражданские права и за мир, осудив не критичное стремление социологии стать чистой наукой. Ангел истории вновь затрепетал на штормовом ветру.

Диалектика прогресса управляет нашими индивидуальными карьерами так же, как и нашей общей дисциплиной. Первоначальная страсть к общественной справедливости, экономическому равенству, правам человека, устойчивой окружающей среде, политической свободе или просто к лучшему миропорядку, которая вовлекла многих из нас в социологию, оформилась в более приземленные цели получения знаков научного отличия. Прогресс становится совокупностью критериев дисциплинарных методов – стандартизированные курсы, утвержденные списки литературы, бюрократическое ранжирование, постоянные экзамены, рецензии на книги, скроенные по единой мерке диссертации, отрецензированные публикации, внушительное резюме, поиск работы, сроки контракта, а затем – надзор за коллегами и последователями с целью убедиться, что все шагают единым строем. И всё же, несмотря на нормализующее давление карьер, моральный стимул живет и не покоряется; так легко социологический дух не затушить.

Несмотря на все эти ограничения, дисциплина – как в индивидуальном, так и в коллективном смысле этого слова – дала свои плоды. Мы потратили сто лет на построение профессионального знания, перевод здравого смысла в науку, и сейчас более чем готовы к выполнению систематического обратного перевода, перемещая знание туда, откуда оно пришло, понимая личные невзгоды как социальные проблемы и таким образом возрождая моральную устойчивость социологии. Здесь – и надежда, и вызов публичной социологии, дополнение и отрицание социологии профессиональной. Для понимания производства публичной социологии, ее возможностей и опасностей, потенциала и противоречий, успехов и поражений за последние 18 месяцев я провел дебаты по публичной социологии в более чем 40 организациях – от небольших колледжей до объединений на уровне разных штатов и элитных факультетов по всем Соединенным Штатам, а также в Англии, Канаде, Норвегии, Тайване, Ливане и Южной Африке¹. Повсюду, где бы я ни появлялся, необходимость в публичной социологии подтверждалась аудиторией. Дебаты привели к появлению серии симпозиумов по публичной социологии, включая симпозиумы в журналах «Социальные проблемы» (Social Problems) (февраль 2004), «Социальные силы» (Social Forces) (июнь 2004) и «Критическая социология» (Critical Sociology) (лето 2005). Бюллетень Американской Социологической Ассоциации (ACA) «Примечания» (Footnotes) открыл специальную колонку по публичной социологии, результаты которой собраны вместе в «Приглашении к публичной социологии» [American Sociological Association, 2004]. Факультеты организовали призы и блоги по публичной социологии, ACA торжественно открыла специальный сайт по публичной социологии, учебники по вводному курсу включили соответствующие разделы. Социологи стали более регулярно появляться на страничках наших национальных газет, где они высказывали свое мнение. Ежегодное собрание ACA 2004 года, посвященное публичной социологии, превысило все рекорды посещаемости и участия, с весьма солидным перевесом по сравнению с другими темами. Эти смутные времена вывели ангела истории из оцепенения.

Я предлагаю одиннадцать тезисов. Они начинаются с обсуждения того, почему сегодня нужна публичная социология, продолжают разговор о ее многообразии и об отношении к нашей дисциплине, которую понимают и как специализацию, и как поле власти. Я рассмотрю матрицу профессионального, публичного, критического и прикладного направлений социологии, обращая внимание на их динамику в ходе истории и в разных странах, сравню социологию с другими дисциплинами, прежде чем, наконец, обращусь к тому, что делает социологию такой особенной – не только наукой, но моральной и политической силой.

¹ И в сентябре 2007 года – в России (Санкт-Петербург). *Прим. ред.*

ТЕЗИС I: ДВИЖЕНИЕ НОЖНИЦ

Стремление к публичной социологии усиливается, а ее воплощение затрудняется, когда социология поворачивается влево, в то время как мир сдвигается вправо.

Чему приписать современное стремление к публичной социологии? Можно не сомневаться, что очень многим людям этот вопрос напоминает о том, почему они стали социологами. Но публичная социология уже не новая наука, так в чем же причина этого внезапного подъема? За последние полвека политический центр притяжения в социологии сдвинулся в направлении социальной критики, в то время как мир, который она изучает, сдвинулся в противоположном направлении. Так, в 1968 году членов АСА попросили проголосовать по резолюции против войны во Вьетнаме. Из голосовавших социологов две трети *не поддержали* позицию АСА, в то время как на вопрос о личном отношении, 54% выразили индивидуальное противостояние войне [Rhoades 1981. P. 60]¹, причем, приблизительно та же пропорция фиксировалась в то время опросами общественного мнения. В 2003 году, 35 лет спустя, членам АСА была представлена подобная резолюция против войны в Ираке, и две трети проголосовали в *поддержку* (Footnotes, июль-август 2003). Еще важнее то, что в опросе по этому поводу 75% голосовавших социологов высказались против войны (конец мая 2003), в то время как 75% населения поддержали войну².

Для 1960-х годов это довольно неожиданные данные, учитывая тогдашний рост левых настроений. Несмотря на бурную встречу АСА в Бостоне в 1968 году, где Мартин Николаус выступил со знаменитой бесстрашной атакой на «социологию денежных мешков» и звучали прямые требования Совета чернокожих социологов, Радикального совета и Совета женщин-социологов, – оппозиция все же была в меньшинстве. Большинство членов Ассоциации уже возмужало и впитало либеральный консерватизм ранней послевоенной социологии. Со временем, однако, радикализм 1960-х годов распространился в профессии, хотя и в обедненном виде. Возрастающее участие женщин и расовых меньшинств, стремление поколения 1960-х получить руководящие должности на факультетах и в нашей ассоциации наметили критический сдвиг, отразившийся в содержании социологии³.

¹ Иными словами, многие были против войны, но не хотели, чтобы АСА занимала официальную позицию, поскольку социология не должна заниматься политикой.

² Данные по вопросу общественной поддержки войны во Вьетнаме взяты из публикации Мюллера [Mueller, 1973. Таблица 3.3], а данные по поддержке войны в Ираке – из опросов Института Гэллага.

³ В 1968 году 19 избранных членов Совета АСА были белые и мужчины, за исключением одной женщины, Мирры Комаровски. В 2004 году из 20 членов Совета 50% составляли женщины и 50% – выходцы из расовых меньшинств. Что

Так, политическая социология повернулась от вопросов о достоинствах американской выборной демократии к вопросам государства и его отношения к классам, общественным движениям как части политического процесса и расширению демократического участия. Социология труда повернулась от процессов адаптации к изучению доминирования и рабочих движений. Исследования стратификации перешли от изучения социальной мобильности в рамках иерархии престижа профессий к анализу изменений в структурах общественного и экономического неравенства – класса, расы и пола.

Социология развития оставила теорию модернизации и обратилась к теории низкого уровня экономического развития, миросистемному анализу и идее срежессированного государством экономического роста. В теории рас перешли от объяснений ассимиляции в политэкономии к изучению расовых формаций, понимая расу как сложное национально-идеологическое образование. Социальная теория представила более радикальные интерпретации Вебера и Дюркгейма, включив Маркса в общепринятый канон. И если феминизм пока еще не был канонизирован, он определенно возымел решающее воздействие на самые значительные отрасли социологии. Глобализация создает хаос в основном параметре социологического анализа – государстве-нации, – одновременно выводя нашу дисциплину на более широкую орбиту. Разумеется, здесь были контр-движения – например, доминирующее влияние штудий ассимиляции иммигрантов, – или неонституционалисты, которые документировали всемирное распространение американских институтов – но все же за последние полвека наиболее сильный тренд наблюдался именно в направлении социальной критики.

Если преемственность политических поколений и изменение содержания социологии являются одним рычагом ножниц, то другой рычаг, движущийся в противоположном направлении, – это мир, который мы изучаем. И в контексте усиливающейся риторики равенства и свободы социологи документировали постоянное углубление неравенства и доминирования. За последние 25 лет ранние достижения экономической безопасности и гражданских прав (с сопутствующим им неравенством) были нивелированы экспансией рынка и насильственными государственными режимами, которые нарушают права человека на родине и за рубежом. Слишком часто рынок и государство объединялись против человечества в проведении политики, широко известной как неолиберализм. Несомненно, сами социологи стали более чувствительны к проблемам и более сосредоточены на негативе,

касается более широкого профессионального круга, между 1966 и 1969 годами женщинами было защищено 18.6% докторских диссертаций по социологии, в то время как в 2001 году этот показатель составил 58.4%. Данные относительно роста представительства расовых меньшинств в социологии начали рассматриваться позднее. В 1980 году 14.4% докторских диссертаций по социологии было защищено меньшинствами, в то время как в 2001 году эта доля составила 25.6%.

но собранные ими свидетельства действительно указывают на регресс в огромном количестве областей. При этом режим, управляющий нами, является глубоко анти-социологическим по своему духу и враждебным к самой идее «общества».

Сами университеты претерпели возрастающие нападки со стороны Национальной ассоциации ученых за то, что приютили слишком много либералов. В то же время, сталкиваясь с урезанием бюджетов и оказавшись перед лицом растущей конкуренции, университеты стали урезать возможности бесплатного образования, отвечив рыночными решениями, в том числе, организацией совместных предприятий с частными корпорациями, рекламными компаниями для привлечения студентов, заигрыванием с частными спонсорами, превращением образования в товар путем дистанционного обучения, привлечением дешевой временной профессиональной силы, не говоря уже об армиях обслуживающего персонала на низкооплачиваемых должностях [Kirp 2003; Vok 2003]. Является ли рыночное решение единственным из возможных? Следует ли отказаться от самой идеи университета как «общественного» блага? Интерес к публичной социологии, в частности, является реакцией и ответом на тотальную приватизацию. Ее жизнеспособность зависит от реанимации самой идеи общественности, еще одной жертвы бури прогресса. Отсюда парадокс: расширяющаяся пропасть между социологическим этосом и миром, который мы изучаем, порождает спрос и, одновременно, создает препятствия на пути публичной социологии. Что же нам делать дальше?

ТЕЗИС II: МНОГООБРАЗИЕ ПУБЛИЧНЫХ СОЦИОЛОГИЙ

Существуют разнообразные публичные социологии, отражающие различные типы общественности и многообразие способов доступа к ним. Традиционные и органичные публичные социологии являются двумя полярными, но взаимодополняющими типами. Общественность или сообщества можно уничтожить, но их можно и создавать. Некоторые из них никогда не исчезают – например, наши студенты, которые являются нашей первой публикой, охваченным нами сообществом.

Что мы будем подразумевать под публичной социологией? Публичная социология вовлекает социологию в диалог с группами общественности, т.е. с людьми, которые сами вовлечены в диалог. Таким образом, предполагается двойной диалог. Очевидными примерами являются работы Уолтера Е. Б. Дюбуа «Души черного народа» [Du Bois, 1903], Гуннара Мюрдала «Американская дилемма» [Myrdal, 1944], Дэвида Рисмана «Одинокая толпа» [Riesman, 1950], а также Роберта Белла с соавторами «Привычки сердца» [Bellah, 1985]. Что общего у всех этих книг? Они все написаны социологами, их читают за пределами научного сообщества, и они становятся двигателем общественной дискуссии о

характере американского общества – природе его ценностей, пропасти между обещаниями и реальностью, его болезнями и тенденциями. В том же жанре, который я называю *традиционной публичной социологией*, работают и социологи, которые высказывают свое мнение на страницах наших национальных газет, где они комментируют вопросы общественной значимости. Как альтернатива – журналисты занимаются академическими исследованиями публичной сферы, и в качестве примера можно привести статью Криса Уггена и Джеффа Манзы в Американском социологическом обозрении [Uggen and Manza, 2002] по поводу политической значимости преступного лишения гражданских прав и диссертацию Дива Пейджера [Pager, 2002] о расовых аспектах влияния криминального прошлого на перспективы занятости молодежи. В случае традиционной публичной социологии ее целевые группы общественности, как правило, невидимы, не насыщены – не осуществляют интенсивного внутреннего взаимодействия, пассивны, не составляют движения или организации, и как правило, мейнстримны, т.е. представляют мнение большинства, конвенциональны и противопоставлены контр-публике, контр-обществам, оппозиционным по своему характеру. Традиционные публичные социологи провоцируют дебаты внутри или между группами общественности, хотя сами могут в них и не участвовать.

Однако, существует другой тип публичной социологии – *органичная публичная социология*, где социолог работает в тесной связи с видимым, насыщенным, активным, местным и зачастую протестным сообществом, контр-публикой. Основная часть публичной социологии на самом деле носит органический характер – социологи, взаимодействующие с рабочим движением, соседскими объединениями, религиозными группами, правозащитными организациями. Существует диалог между органическим публичным социологом и обществом, процесс взаимного обучения. Следует признать этот органический тип публичной социологии, который зачастую недооценивается нашей профессиональной средой и кажется чьим-то «личным делом». Между тем, задумка таких публичных социологий как раз и состоит в том, чтобы сделать невидимое видимым, а приватное публичным, ратифицировать эти органические связи как часть нашей социологической жизни. Традиционная и органическая публичные социологии – не антитезы, а взаимодополняющие перспективы. Они взаимно информируют друг друга. Широко распространенные общественные дебаты, касающиеся, например, семейных ценностей, могут получить дополнительные измерения благодаря работе с клиентами социального обеспечения. Обсуждение соглашения Североамериканских свободных профсоюзов (North American Free Trade Agreement – NAFTA) позволит стимулировать и оформить диалог социологов с профсоюзами; а работа с заключенными с целью защитить их права могла бы основываться на общественной дискуссии по поводу исправительных учреждений. Выпускники университета Беркли – Гретчен Персер, Эми Шелет и Офер Шарон [Purser, Schalet and Sharone, 2004]

исследовали участь низкооплачиваемых сотрудников университета, вывели их из тени и объявили их группой общественности, которую университет обязан признать. Их отчет был связан с более широкими дебатами по поводу работающих бедных, мигрантов-рабочих, приватизации и корпоративизации университета, и одновременно подогревал публичный дебат об академии как сообществе, имеющим определенные принципы. В идеале традиционная публичная социология обрамляет органическую публичную социологию, в то время как последняя дисциплинирует, создает основу и задает направление первой.

Можно выделить разные типы публичного социолога и говорить о разных группах общественности, или общественных аудиториях, но каким же образом две стороны – академическая и внеакадемическая – приходят к диалогу? Почему нужно прислушиваться скорее к нам, а не к другим сообщениям, исходящим из средств массовой информации? Действительно ли мы чересчур критичны и не можем привлечь внимание наших аудиторий? Алан Вольф [Wolfe, 1989], Роберт Пэтман [Putnam, 2001] и Теда Скокпол [Skocpol, 2003] делают следующий шаг, предупреждая, что общественные аудитории исчезают – они разрушаются рынком, колонизируются средствами массовой информации или становятся жертвой бюрократии. И все же, само существование широкой вариативности публичной социологии действительно предполагает наличие групп общественности, стоит лишь отыскать их, хотя нам следует постараться, чтобы узнать о них. Мы по-прежнему находимся на начальной стадии проекта. Стоит рассматривать наши группы общественности не как застывшие образования, а в движении, и учитывать, что мы можем принимать участие в их создании, равно как и в их трансформации. Несомненно, часть нашей работы как социологов состоит в определении этих человеческих категорий – людей со СПИДом, женщин с раком груди, гомосексуалов, – и если мы определяем их в условиях сотрудничества, мы создаем группы общественности. Определение социологами "женщин" как группы, подвергающейся социальному исключению и маргинализации было близко самосознанию самой группы и легло в основу протестного общественного движения – активного, мощного, заметного как на национальной арене, так и по всему миру. Из этого краткого экскурса по многообразию групп общественности становится ясно, что публичной социологии необходимо развить *социологию аудиторий, или групп общественности* (sociology of publics). Чтобы лучше оценить возможности и ловушки публичной социологии, необходимо работать в традициях (и за их рамками), основанных работами Роберта Парка [Park, 1972 (1904)], Уолтера Липпманна [Lippmann, 1922], Джона Дьюи [Dewey, 1927], Ханны Арендт [Arendt, 1958], Юргена Хабермаса [Habermas, 1991 (1962)], Ричарда Сеннетта [Sennett, 1977], Нэнси Фразер [Fraser, 1997] и Майкла Уорнера [Warner, 2002].

Помимо создания других сообществ, мы и сами можем утвердить себя как общественность, действующая на политической арене. Дюркгейм,

как известно, настаивал на том, что профессиональные ассоциации должны быть неотъемлемым элементом национальной политической жизни, а не только защищать собственные узкопрофессиональные интересы. Следовательно, Американская социологическая ассоциация может внести большой вклад в общественные дебаты, как уже было, когда на рассмотрение в Верховный суд по делу Аффирмативного действия штата Мичиган было передано прошение Амикуса Кюре. АСА заявила, что социологическое исследование подтвердило наличие расизма, и что у расизма социальные причины и последствия; или когда ее члены приняли резолюцию против войны в Ираке и против конституционной поправки, объявившей вне закона однополые браки; или когда Совет АСА протестовал против заключения в тюрьму египетского социолога Саада Ибрагима.

Говорить от лица всех социологов трудно и рискованно. Нужно быть готовыми взаимодействовать с общественными позициями через открытый диалог, свободное и равное участие наших членов, через углубление нашей внутренней демократии. Многообразие публичных социологий отражает не только различные сообщества, но и различные системы ценностей среди социологов. У публичной социологии нет внутренне присущей единой нормативной системы ценностей, помимо общих обязательств настроенности на диалог вокруг проблем, поднимаемых в рамках социологии и при помощи социологии. Она в равной степени поддерживает диалог с христианским фундаментализмом, социологией освобождения или коммунитаризмом. То, что социология в целом действительно поддерживает более либеральные или критические публичные социологии, – есть следствие развивающегося этоса социологического сообщества.

Есть одна группа общественности, которое не может исчезнуть раньше нас, – это наши студенты. Каждый год мы выпускаем порядка 25 000 бакалавров гуманитарных наук, которые специализировались в социологии. Что это значит – думать о них как о потенциальной группе общественности? Несомненно, это отнюдь не значит, что нужно относиться к ним как к пустым сосудам, в которые мы вливаем зрелое вино, или к чистым листам бумаги, куда мы вписываем свои обширные знания. Скорее, нужно учитывать их карьеры богатого жизненного опыта, на основе которого мы формируем более глубокое понимание исторических и общественных контекстов, сделавших их теми, кем они являются. С помощью мощных традиций социологии мы превращаем их личные проблемы в общественные. Мы делаем это, привлекая опыт их жизней, а не исключая их; начиная разговор с их точки зрения, а не с нашей. Образование становится серией стимулируемых нами диалогов на территории социологии, – диалогов между нами и студентами, между студентами и их опытом, среди самих студентов, и наконец, между студентами и разнообразными группами общественности за пределами университета.

Обучение, включающее практику работы в сообществе (service learning), является в этом смысле прототипом: обучаясь, студенты стано-

вятся посланниками социологии в более широкий мир точно так же, как они приносят обратно в аудиторию свой опыт общения с различными группами общественности¹. Как преподаватели, мы все являемся потенциальными публичными социологами. Это, во-первых, утверждает статус и легитимирует публичную социологию, признавая ее существование, вынося ее из личной сферы в открытое пространство, где ее можно оценивать и анализировать; а во-вторых, делает ее неотъемлемой частью нашей дисциплины, – что приводит меня к Тезису III.

ТЕЗИС III: РАЗДЕЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ТРУДА

Публичная социология является частью более широкого разделения социологического труда, который также включает прикладную, профессиональную и критическую социологию.

Поборник традиционной публичной социологии Ч. Райт Миллс (1959) и вслед за ним многие другие превращали всю социологию в публичную. Миллс возвращается к праотцам конца XIX века, для которых исследовательская и моральная инициативы были неразделимы. Однако сейчас невозможно вернуться к тому более раннему периоду до академической революции. Вместо этого мы должны двигаться вперед и работать в том времени, в котором мы живем, в ситуации разделения социологического труда.

Первый шаг – это отделить публичную социологию от *прикладной*. Прикладная социология служит достижению цели, обозначенной клиентом, или заказчиком. Смысл прикладной социологии заключается в решении поставленных перед нами проблем или легитимации уже принятых решений. Некоторые заказчики уточняют задачу социолога узким контрактом, в то время как другие больше похожи на патронов, определяющих широкие повестки социальной практики (*policy agenda*). Свидетель-эксперт на суде, например, – это важная услуга для сообщества, и здесь относительно четко определены отношения с клиентом. А финансирование Государственным Департаментом расследования причин терроризма или бедности могут предоставить гораздо более широкую повестку исследования. Публичная социология, напротив, реализует диалогические отношения между социологом и обществом, в которых повестка каждой из сторон вынесена на стол переговоров, где каждый участник приспосабливается к другому. В публичной социологии дискуссия зачастую включает в себя ценности или цели, которые не автоматически разделяются обеими сторонами, так что зачастую становится трудно поддерживать реципрокность, или как это называет Хабермас (1984) «коммуникативное действие» (*communicative action*). И всё же целью публичной социологии является развитие именно такого диалога.

¹ Существует множество источников по такому обучению. Две книги, непосредственно касающиеся социологии: Ostrow et al. 1999; а также Marullo and Edwards, 2000.

Знаменитая книга Барбары Эренрайх [Ehrenreich, 2002] «Обреченные на гроши» (Nikel and Dimed) – этнография низкооплачиваемой работы, выявляющая наряду с другими аспектами практики найма компании Уолмарт, является примером публичной социологии, в то время как экспертное свидетельство Уильяма Билби [Bielby, 2003] в деле о сексуальной дискриминации против той же компании будет случаем прикладной социологии, выполняемой по запросу клиента, заказчика. Подходы публичной и прикладной социологии не являются ни взаимоисключающими, ни антагонистическими. Как в упомянутом случае, они зачастую являются взаимодополняющими.

Прикладная социология может превратиться в публичную социологию, особенно когда прикладной не достаточно, как в случае предложений Джеймса Колмана [Coleman, 1966, 1975] по перевозкам школьников на автобусе, или когда правительство отказывается поддерживать предложения политики – в рекомендации Уильяма Юлиуса Уилсона [Wilson, 1996] по созданию рабочих мест для сокращения расово обусловленной бедности, или в случае участия Пола Стара в бесплодных реформах системы здравоохранения при администрации Клинтона. Точно так же, публичная социология зачастую превращается в прикладную социологию. Широкое освещение в прессе результатов расследования Дианой Вон [Vaughan, 2004] катастрофы шаттла «Колумбия», основанного на ее более раннем изучении трагедии с «Челленджером», позволило ее идеям стать частью отчета Совета по расследованию причин катастрофы [Columbia Accident Investigation Board, 2003] и, в частности, способствовала обвинительному акту против организационной культуры Национального агентства по авионавигации и исследованию космического пространства (National Aeronautical and Space Administration – NASA).

Ни публичная социология, ни прикладная социология (*policy sociology*) не могут существовать без *профессиональной социологии*, которая предоставляет правдивые и проверенные методы, накопленный багаж знаний, вопросы-ориентиры и концептуальные рамки исследования. Профессиональная социология является вовсе не врагом публичной или прикладной социологии, а *sine qua non* – непременным условием их существования – представляя как легитимность и экспертизу для публичной и прикладной социологии. Поле профессиональной социологии включает, в первую очередь, многообразные и пересекающиеся исследовательские программы, у каждой из которых есть свои гипотезы, модели, ключевые вопросы, концептуальный аппарат и постоянно развивающиеся теории¹. Подавляющее большинство ее подполей содержит хорошо организованные исследовательские про-

¹ В формулировке идеи исследовательской программы я очень многое почерпнул у Имре Лакатоса [Lakatos, 1978] и его дебатов с Томасом Куном, Карлом Поппером и другими.

граммы, например, организационная теория, стратификация, политическая социология, социология культуры, социология семьи, расы, экономическая социология. Исследовательские программы часто встречаются и внутри этих подполей, например, организационная экология в рамках организационной теории. Исследовательские программы совершенствуются путем решения их ключевых задач, исходящих либо из внешних аномалий (несовместимости между предсказаниями и эмпирическими данными) или из внутренних противоречий. Так, исследовательская программа по общественным движениям была организована путем отказа от «иррационалистической» и психологической теорий коллективного поведения и с помощью построения новой объяснительной рамки на основе идеи об источнике мобилизации. Это, в свою очередь, привело к формулированию теории политического процесса, а также к недавней попытке учесть в ней эмоции. В каждой из таких исследовательских программ яркие образцовые исследования решают один набор задач, и одновременно создают новые, задавая исследовательской программе другие направления. Но исследовательские программы могут вырождаться из-за аномалий и противоречий, или когда попытки амортизировать, смягчить задачу становятся скорее способом сохранить лицо, а не истинной теоретической инновацией. Гудвин и Джаспер [Goodwin and Jasper, 2004. Глава 1] доказывают, что такова была участь теории социальных движений, когда она стала слишком общей и самоутолбленной.

Роль *критической социологии*, четвертого типа, заключается в том, чтобы изучать основания исследовательских программ профессиональной социологии – как явные, так и скрытые, как нормативные, так и описательные. Здесь мне приходит на память работа Роберта Линда [Lynd, 1939], который утверждал, что социальная наука, заиклившаяся на собственных методах и специализации, отрекалась от своей обязанности противостоять довлеющим культурным и институциональным проблемам своего времени. Ч. Райт Миллис [Mills, 1959] обвинял профессиональную социологию в 1950-е годы в ее нерелевантности, смене курса на невразумительную «большую теорию» или бессмысленный «абстрактный эмпиризм», отделяющий данные от контекста. Элвин Гулднер [Gouldner, 1970] критиковал структурный функционализм за его веру в общество, основанное на консенсусе, что не состыковывалось с растущими в 1960-х годы конфликтами. Феминизм, квир-теория и критическая теория расы осудили профессиональную социологию за то, что та не отследила вездесущность и глубину угнетения по признакам пола, сексуальной ориентации и расы. В каждом случае критическая социология пытается заставить профессиональную социологию увидеть присущие той предрассудки, умолчания, продвигая новые исследовательские программы, построенные на альтернативных основаниях. Критическая социология – это совесть профессиональной социологии, так же как публичная социология является совестью прикладной социологии.

Критическая социология также ставит перед нами два вопроса, которые показывают родство наших четырех типов социологий. Первый вопрос был поставлен Альфредом Маклангом Ли [Lee, 1976] в его Президентском обращении «Социология для кого?». Действительно ли мы говорим только сами с собой (академической аудиторией), или мы также обращаемся к другим (внеакадемической аудитории). Это риторический вопрос – ведь мало кто станет отстаивать идею герметически замкнутой дисциплины или защищать поиск знаний лишь ради самих знаний. Такие действия, как отстаивание вовлеченности внеакадемической аудитории, предоставление услуг клиентам либо обсуждение острых вопросов с конкретными группами и сообществами, – не означают отрицания связанных с этим опасностей и рисков, но означают осознание необходимости таких действий вопреки им или именно в силу этих опасностей и рисков.

Второй вопрос Линда таков: «Социология для чего?». Действительно ли нам нужно заботиться о конечных целях общества, или только о способах достижения этих целей. Это именно то отличие, которое подчеркивает дискуссию Макса Вебера о технической и ценностной рациональности. Вебер и следующая за ним Франкфуртская школа полагали, что техническая рациональность вытесняет дискуссию о ценностях – Хоркхаймер [Horkheimer, 1974 (1947)] называл это затмением смысла, а вместе с Теодором Адорно [Horkheimer and Adorno, 1969 (1944)] говорили об этом как о диалектике просвещения. Я называю это одним типом знания – *инструментальным знанием*, будь то решение задачи профессиональной социологии или решение задачи прикладных социологических исследований. Я называю другой тип *рефлексивным знанием*, потому что он связан с диалогом о конечных целях, будь то диалог внутри академического сообщества об основах его исследовательских программ или между академическим сообществом и различными общественными группами о направлении, в котором движется общество. Рефлексивное знание задает вопросы о ценностных ориентирах общества и нашей профессии. Данная схема суммирована в таблице 1¹.

¹ Схема очень напоминает известную схему четырех функций Талкотта Парсонса [Parsons, 1961] – адаптация, целедостижение, интеграция и латентная функция (сохранение культурного образца) (AGIL), показывающую, что любая система должна выжить. Если критическая социология соответствует латентной функции, основываясь на приверженности ценностям, а публичная социология соответствует интеграции, где влияние есть средство обмена, тогда прикладная социология соответствует целедостижению, а профессиональная социология с ее экономикой знаков отличия соответствует адаптации. Хабермас [Habermas, 1984. Гл. 7] придает критическое направление идее Парсонсу, говоря о колонизации жизненного мира (латентной функции и интеграции) системой (адаптацией и целедостижением). Далее мы увидим, что в Тезисе VII идея колонизации по Хабермасу сочетается с анализом полей академического мира по Бурдьё [Bourdieu, 1988 (1984)].

Таблица 1.

РАЗДЕЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ТРУДА

	Академическая аудитория	Вне-академическая аудитория
Инструментальное знание	Профессиональная	Прикладная
Рефлексивное знание	Критическая	Публичная

На практике, каждый тип социологии может перешагивать через эти идеальные типы или продвигаться сквозь них со временем. Например, как я уже отметил, различие между общественной социологией и прикладной социологией зачастую оказываются размытыми – социология может одновременно как служить заказчику, так и генерировать общественные дебаты.

Категории являются общественными продуктами. Эта категоризация социологического труда переопределяет способ, которым мы оцениваем себя. Я говорю о том, что Пьер Бурдьё [Bourdieu, 1986 (1979); 1988 (1984)] назвал бы борьбой классификаций, замечая дебаты о количественных и качественных методах, позитивистских и интерпретационных методологиях, микро- и макро-социологиях постановкой двух центральных вопросов: для кого и для чего мы занимаемся социологией? Следующие тезисы призваны доказать и расширить эту классификационную систему.

ТЕЗИС IV: УТОЧНЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ СЛОЖНОСТИ

Вопросы «знание для кого?» и «знание для чего?» определяют фундаментальный характер нашей дисциплины. Они не только делят социологию на четыре разных типа, но также позволяют нам понять то, как конструируется каждый из таких типов.

Наши четыре типа знания представляют собой не только функциональную дифференциацию социологии, но также четыре ясно различимые подхода в социологии. Разделение социологического труда с точки зрения критической социологии сильно отличается от такового, например, с точки зрения прикладной социологии! Действительно, критическая социология в самом общем смысле определяет себя через оппозицию профессиональной («господствующей») социологии, которую рассматривает как неотделимую от ренегатской прикладной, заказной социологии. В свою очередь, прикладная социология платит той же монетой, нападая на критическую социологию за политизацию и, как следствие, дискредитацию дисциплины. Так и в каждой из категорий мы склонны выделять что-то главное, обобщать и стереотипизировать других. Но нам нужно стремиться к тому, чтобы увидеть комплексный характер всех четырех типов социологии. Лучший способ

добиться этого – еще раз задать наши два основных вопроса: знание для кого? и – знание для чего? В результате может быть выявлена внутренняя дифференциация каждого типа социологии, и, вследствие этого, более богатая нюансами картина. Мы также узнаем о проблемах внутри каждого из этих типов, направляющих его в то или иное направление.

Давайте начнем с профессиональной социологии. В ее основе лежит создание, развитие, упадок разнообразных исследовательских программ. Но ведь есть и политическое измерение профессиональной социологии, в рамках которого отстаивается социологическое исследование в более широком контексте – защищаются бюджеты для исследований, порождающих политические дебаты, например: изучение сексуального поведения; этическое регулирование различных типов, включая биомедицинские, исследований человека; поиски правительственной финансовой поддержки для академических программ, например, ориентированных на вовлечение этнических меньшинств в науку. Это политическое измерение профессиональной социологии воплощается в административном аппарате Американской социологической ассоциации (АСА) и представлено на страницах его бюллетеня «Примечания» (Footnotes). Кроме того, у профессиональной социологии есть и публичное лицо – в виде представления результатов исследования в доступной форме для непрофессиональной аудитории. Это являлось признанной целью нового журнала «Контексты» (Contexts), но похожая функция выполняется регулярными тезисами конференций, публикуемыми аппаратом АСА. Здесь можно увидеть много преподавателей, которые распространяют полученные ими результаты социологических исследований и, конечно, пишут учебники. Тонкая грань отделяет публичное лицо профессиональной социологии от самой публичной социологии: первая более тесно связана с обеспечением условий для нашей основной профессиональной деятельности.

Наконец, существует критический аспект профессиональной социологии – дебаты внутри и между исследовательскими программами, в том числе по поводу объяснительной значимости категорий класса и расы, эффектов глобализации, моделей сверхинтенсивной занятости, классовых оснований электоральной политики, причин низкого уровня экономического развития и тому подобное. Такие критические дебаты являются темами публикаций в «Ежегодном социологическом обзоре» (The Annual Review of Sociology), и они привносят необходимый динамизм в наши исследовательские программы. Четыре раздела профессиональной социологии представлены в Таблице 2.

Из-за преобладающей роли и доминантности профессиональной социологии мы можем рассмотреть ее внутреннюю функциональную дифференциацию, или как бы назвал ее Эбботт [Abbott 2001], «фрактализацию», но другие типы социологии в меньшей степени внутренне развиты, поэтому здесь лучше говорить о ее различных аспектах или измерениях.

Таблица 2.

АНАТОМИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

<i>Профессиональная</i> Исследование, проводимое в рамках научных программ, определяющих предположения, теории, концепции, вопросы и задачи	<i>Прикладная</i> Защита социологического исследования, защита людей, которых мы изучаем, финансирование, представления материалов в Конгресс США
<i>Критическая</i> Критические дебаты о дисциплине внутри исследовательских программ и между ними	<i>Общественная</i> Забота о публичном образе социологии, представление результатов в доступной форме, преподавание основ социологии и написание учебников

Таким образом, основная деятельность публичной социологии – диалог между социологами и их аудиторией – поддерживается (или не поддерживается) профессиональными, критическими и политическими факторами. Например, исследовательский и акционистский Проект Бостонского Колледжа по тематике масс медиа (Boston College's Media Research and Action Project), который объединяет социологов вместе с организаторами работы в сообществе, для того чтобы изучить способы лучшего представления социальных проблем в СМИ. В этом проекте присутствует профессиональная составляющая, базирующаяся на идеях фрейминга Уильяма Гэмсона, критическая составляющая, вытекающая из анализа тех ограниченных инструментов, которыми оперируют средства массовой информации, и политическая составляющая, направляющая усилия по решению конкретных задач, поставленных организаторами работы в сообществе. Шарлота Райан [Ryan, 2004] описывает конфликты внутри проекта, проистекающие из противоречивости требований безотлагательных действий в рамках публичной социологии и карьерных ритмов профессиональной социологии, в то время как Гэмсон [Gamson, 2004] подчеркивает экономическую незаинтересованность университета в проекте, направленном на усиление местных сообществ.

Прикладная социология также имеет свои профессиональные, критические и публичные аспекты. Здесь интересным случаем является опыт Джуди Стейси [Stacey, 2004] в ее роли эксперта, защищающего практику однополых браков в канадской провинции Онтарио. Правоведы – противники однополых браков – использовали ее статью, опубликованную в «Американском социологическом обозрении» и получившую широкую известность [Stacey and Biblarz, 2001]. Авторы статьи доказывали, что хотя разные исследования приводят сходные выводы о незначительных различиях во влиянии родителей-гомосексуалов на детей, в частности, дети оказываются более открытыми к сексуальному многообразию, – не существует доказательств, что эти влияния являются

ся в какой бы то ни было степени «вредными». Оппоненты однополых браков утверждали, что исследования Стейси и Библарц слишком слабые в научном отношении. Джуди Стейси, таким образом, оказалась в непривычной позиции защиты научной достоверности своих выводов. Более того, ее защита гражданских прав гомосексуалов вызвала поток аргументов в защиту брака – института, который она подвергала резкой критике в своих научных трудах. В этом случае мы видим, насколько ограничивающей может быть прикладная социология, и как зависимость этого типа анализа от профессиональной социологии может увлечь его в западню и направить против критической и публичной социологии. Четыре лица данного типа социологии могут находиться отнюдь не в гармонии друг с другом.

Мы можем наблюдать аналогичную проблему и в критической социологии. В своей классической статье «Социология для женщин» (A Sociology for Women) Дороти Смит [Smith 1987. Глава 2] использовала социологию для изучения универсализации мужской социальной позиции, особенно позиции правящих мужчин, управляющих макро-структурами общества. Используя канонические работы Альфреда Шютца, она изучает положение женщин, укорененное в микро-структурах повседневной жизни – невидимой силе, поддерживающей макро-структуры. Патриция Хилл Коллинз [Collins, 1991], развивая дальнейший анализ положения женщин в обществе, настаивает на том, что понимание общества приходит от тех, кто испытывает множественное угнетение – например, бедных чернокожих женщин, – но она также использует конвенциональную социальную теорию, в данном случае не Шютца, а Георга Зиммеля и Роберта Мертона, с целью развить критику профессиональной социологии. Более того, это и публичный аспект – связь чернокожих женщин-интеллектуалов с культурой бедных чернокожих женщин была необходима для того, чтобы показать универсальность профессиональной социологии. Таким образом, мы видим профессиональные и публичные аспекты критической социологии, но что можно сказать относительно ее прикладного аспекта? Можно ли оспорить тот факт, что здесь находится *realpolitik*¹ защиты пространства критического мышления в университете, пространства, которое включало бы в себя междисциплинарные программы, институты и борьбу за репрезентацию?

Здесь приведено лишь несколько примеров, иллюстрирующих комплексный характер каждого типа социологии, в рамках которого разделяются академическое и вне-академическое, а также инструментальное и рефлексивное измерения. Не нужно забывать об этом сложном внутреннем строении, переходя к теме отношений между этими основными типами науки.

¹ Realpolitik – то, как в действительности делаются дела, мотивы без прикрас, цинично представленные интересы. *Прим.ред.*

ТЕЗИС V: ПОЛОЖЕНИЕ СОЦИОЛОГА

Необходимо различать социологию и ее внутренние разделения, с одной стороны, и социологов и их траектории, с другой. Жизнь социолога приводится в движение за счет рассогласованности его или ее социологического хабитуса и структуры дисциплинарного поля в целом.

Мы должны различать разделение социологического труда и социологов, которые занимают в его рамках одно или более мест. Около 30% докторов социологии работают вне стен университета, в основном в мире прикладных социальных исследований (policy research), откуда они могут войти в публичную сферу [Kang, 2003]. Те 70% докторов социологии, которые преподают в университетах, занимают профессиональный квадрант, проводя исследования или распространяя его результаты, но они могут занимать должности и в других квадрантах, по крайней мере, если речь идет о тех позициях которые предшествуют заключению бессрочного контракта. В противоположность им, армия работников по договору – помощники, временные преподаватели, преподаватели на полставки – не имеют возможности продвижения, получают скудное жалование (от 2 до 4 тысяч долларов за курс)¹ за свое, зачастую, преданное преподавание, с ненадежным местом работы и обычно без всяких бонусов [Spalter-Roth and Erskine, 2004]. Такие позиции более распространены в высоко престижных университетах, где такие люди могут составлять до 40% всех занятых и вести до 40% всех курсов. Есть и другие низкооплачиваемые сотрудники, которые по сути субсидируют преподавателей, предоставляя им возможности исследований и получения высоких зарплат, своим обслуживающим трудом предоставляя им время для более высокооплачиваемой деятельности.

Таким образом, большинство из наших выдающихся социологов работают в различных сферах. Джеймс Коулман, например, одновременно работает и в профессиональном, и в политическом мире, являясь противником критической и общественной социологии. Кристофер Дженкс, который работал в тех же полях, необычен сочетанием критических и общественных движений с профессиональными и прикладными обязательствами. Социология эмоций Арли Хохшильд находится между профессиональной и критической социологией, в то время как ее исследование по работе и семье сочетает публичную социологию и прикладную социологию. Конечно, эти социологи занимали или занимают удобное положение на самом верху социологических факультетов, где условия работы позволяют им находиться в разных сферах. А большинство из нас занимают только один квадрант. Так что, нужно также обсудить и вопросы карьеры.

Социологи не только одновременно оказываются в разных позициях, но со временем перемещаются от одного типа социологии к

другому, в соответствии с нашей типологией. До консолидации профессиональных карьер движение по разным квадрантам было более хаотичным. Уильям Е. Б. Дюбуа, будучи всё более недовольным академическими кругами, где ощущал свою маргинализацию из-за цвета кожи, по завершении работы над книгой «Филадельфийский негр» в 1899 году и после создания социологической лаборатории при Университете Атланты и руководства ею с 1897 по 1910 годы, покинул научное сообщество, чтобы основать Национальную ассоциацию продвижения цветных народов (National Association for the Advancement of Colored People – NAACP), и стать редактором ее журнала «Кризис» (Crisis).

В этой общественной роли он писал разнообразные популярные заметки, которые, разумеется, несли на себе печать его социологии. В 1934 году он вернулся в академическое сообщество, возглавив факультет социологии в Атланте, где закончил еще одну классическую монографию «Черная реконструкция в Америке», и вновь после Второй мировой войны занялся национальной и международной общественной деятельностью. Его неустанные выступления за расовую справедливость были кульминацией публичной социологии, хотя, конечно, его высшей целью всегда было изменение социальной практики, социальных отношений (policy). Публичная социология зачастую является выходом для тех, кто изолирован от арены политики и подвергается остракизму в научном сообществе.

В то время как Уильям Е. Б. Дюбуа отходил от научного сообщества, его главный оппонент, еще одна главная фигура в социологии расы, Роберт Парк, двигался в обратном направлении¹. После многих лет работы журналистом, когда он проводил, в том числе, анализ, вскрывающий неизвестные ранее факты радикальных и жестоких действий Бельгии в Конго, он стал частным секретарем и аналитиком-исследователем Бюкера Т. Вашингтона перед тем, как поступить на работу и затем способствовать профессионализации факультета социологии в Университете Чикаго [Luman, 1992].

Ч. Райт Миллс относился к более позднему поколению, но, как и Дюбуа, ощущал растущую неудовлетворенность научным сообществом. После получения бакалаврской степени по философии в Университете Техаса он работал в Висконсине с Хансом Герттом – немецким иммигрантом. Там он написал диссертацию по прагматизму. Роберт Мертон и Пол Лазарсфельд пригласили его на работу в Колумбийский университет, потому что он показал себя очень обещающим профессиональным социологом.

Не в состоянии выносить «ограниченный практицизм» Бюро прикладных исследований Лазарсфельда, он перешел от инструментальной

¹ Благодаря Стефана Штейнберга за указание на это совпадение. Хотя он играл основную роль в профессионализации социологии, Парк не отказался от идеи социальной реформы, и это несмотря на заявленное им дистанцирование социальной науки от активистской социологии женщин Халл Хаус (Hull House).

¹ Курс длится семестр или четверть. Прим. ред.

социологии к публичной социологии – «Новые люди власти», «Белые воротнички: Американский средний класс» и «Властвующая элита». В конце своей короткой жизни он вернется к клятве и измене социологии в своей вдохновенной книге «Социологическое воображение». Этот поворот к критической социологии для Миллса совпал с движением за пределы социологии в пространства публичной активности интеллектуалов – с его работами «Слушай, янки: революция на Кубе!» и «Причины Третьей мировой войны», которые имели лишь отдаленное отношение к социологии¹.

Сегодня карьеры в социологии более строго регламентированы, чем во времена Миллса. Какая-нибудь выпускница, возможно вдохновленная университетским преподавателем или вышедшая из общественного движения, приходит учиться в послевузовской программе критически настроенной, стремясь узнать больше о возможностях социальных изменений, скажем, в связи с распространением СПИДа в Африке, или о причинах роста молодежной жестокости, условиях успеха феминистского движения в Турции и Иране, семье как источнике морали, вариациях в мотивах поддержки смертной казни, ошибочных толкованиях Ислама публикой. Здесь она сталкивается с рядом необходимых курсов, изобилующих своими трудными для понимания текстами или абстрактными методиками, которыми необходимо овладеть. Через три или четыре года она будет готова завершить программу обучения или сдать предварительные экзамены по трем или четырем дисциплинам, после чего приступит к написанию диссертации. Весь процесс может занять не меньше пяти лет. Такое ощущение, что аспирантура призвана рассеивать те мотивы моральной приверженности, которые вначале, собственно, и побудили интерес к социологии.

Подобно тому, как Дюркгейм обращал внимание на не-контрактные элементы контракта – лежащие в его основе консенсус и доверие, без которых контракт был бы невозможен, – нам следует ценить важность не-карьеристских основ карьер. Многие из 50-70% аспирантов, получивших степень доктора философии, остаются верны своему изначальному стремлению заниматься публичной социологией на стороне – зачастую в тайне от своих научных руководителей.

Я часто слышал, что преподаватели советовали своим студентам оставить публичную социологию на тот период, когда они уже получают постоянную работу – не понимая (или слишком хорошо понимая?), что именно публичная социология не дает угасать настоящей социологической страсти. Последовав совету руководителей, они в результате могут войти в штатный состав кафедр, где у них будет еще меньше времени

¹ Разница между «публичным социологом» и «публичным интеллектуалом» очень важна – первый является особой разновидностью второго, скорее представляет экспертный комментарий в уже принятых в науке областях, нежели переходит к темам, интересным более широкой публике [Gans, 2002].

на публичную социологию, либо им повезет попасть на должность, на которой впоследствии можно заключить бессрочный контракт, и в этом случае им придется беспокоиться о публикациях своих статей в аккредитованных журналах или публикациях книг в признанных университетских издательствах. После заключения постоянного контракта, они в принципе получают свободу выбора, на что обратить свою юношескую страсть, но к тому моменту они уже не будут столь молоды. Они уже могут потерять весь интерес к публичной социологии, предпочтя более прибыльный мир политических консультантов или нишу в профессиональной социологии. Лучше посвятить себя публичной социологии с самого начала, и таким образом зажечь факел профессиональной социологии.

Дифференциация социологического труда с сопутствующими специализациями может создать острую потребность в таком социологическом габитусе, который жаждет объединения рефлексивного и инструментального знания, или габитусом, который стремится как к академической, так и к вне-академической аудитории. Напряжение между институтом и габитусом неустанно побуждает социологов перемещаться из одного квадранта в другой, где они могут на время осесть и двигаться дальше, или вообще уйти из дисциплины. И всё же всегда найдутся те, чей габитус хорошо адаптируется к специализации и чья энергия и страсть столь заразительны, выплескиваясь в другие квадранты. Как я сейчас докажу, специализация отнюдь не враждебна публичной социологии.

ТЕЗИС VI: НОРМАТИВНАЯ МОДЕЛЬ И ЕЕ ПАТОЛОГИИ

Расцвет нашей дисциплины зависит от общего этоса, поддерживающего реципрокную взаимозависимость профессиональной, прикладной, публичной, критической социологии. Однако, будучи чрезмерно отзывчивыми к своим разнообразным аудиториям, каждый тип социологии может приобрести патологические формы, угрожающие жизнеспособности целого.

Сторонники публичной социологии зачастую высказывали презрительное отношение к профессиональной социологии. Работа Рассела Джейкоби [Jacoby, 1987] «Последние интеллектуалы» положила начало серии комментариев, сокрушавшихся по поводу ухода публичных интеллектуалов в кокон профессионализма. Так, Орландо Паттерсон [Patterson, 2002] провозглашает Дэвида Рисмана «последним социологом», ибо Рисман и его современники затрагивали вопросы огромной общественной значимости, в то время как профессиональная социология сегодня мыслит узко, занимаясь проверкой незначительных гипотез, тем самым имитируя естествознание. Задавая вопрос «Что случилось с социологией?», Питер Бергер [Berger, 2002] отвечает, что это научное поле пало жертвой методологического фетишизма и одержимости тривиальными темами. Но он также жалуется, что поколение 1960-х годов повер-

нуло социологию от науки к идеологии. Бергер отмечает, что многие профессиональные социологи оказывают публичной социологии прохладный прием, опасаясь, что общественное участие портит науку, угрожая легитимности дисциплины, а также материальным ресурсам, которые та может получить в свое распоряжение.

Я придерживаюсь противоположного взгляда: между профессиональной и публичной социологиями должны быть, и зачастую встречаются, уважение и синергия. Они вполне совместимы, это своего рода сямские близнецы. Несомненно, мое нормативное видение социологии как науки заключается в реципрокной взаимозависимости между всеми четырьмя типами – той органической солидарности, из которой каждый тип социологии благодаря своей связи с другими черпает энергию, смысл и воображение.

Как я уже настаивал, профессиональный компонент – это сердце нашей дисциплины. Без профессиональной социологии не может существовать прикладная или публичная социологии, как и критическая социология – ведь тогда нечего будет критиковать. В той же степени жизнеспособность профессиональной социологии зависит от постоянного обращения к важным социальным проблемам, от вызовов, формулируемых публичной социологией. Именно движение по защите гражданских прав трансформировало понимание социологами политики и социальной практики, именно феминистское движение придало новое направление столь многим сферам социологии. В обоих случаях именно социологи, участвующие в общественных движениях, привнесли новые идеи в социологию. Подобным образом исследование Линды Уайт [Waite, 2000] о ценностях брака генерировало оживленные дебаты внутри нашей профессии. Критическая социология может быть шипом в боку профессиональной социологии, но при этом она играет решающую роль в том, чтобы мы иногда могли усомниться в своих установках и предположениях. Какими смелыми и энергичными были вызовы Элвина Гоулднера [Gouldner, 1970] структурному функционализму, а также тому способу, которым прикладная социология могла стать невольным агентом угнетения и социального контроля! Сегодня мы можем включить в рубрику критической социологии и движение в защиту «чистой социологии», научную социологию, очищенную от общественного участия. Чем вчера была профессиональная социология, тем стала сегодня критическая социология. Прикладная социология политики, со своей стороны, придала сил социологии неравенства своими исследованиями бедности и образования. Совсем недавно медицинское исследование сплотило все четыре вида социологии через сотрудничество с группами граждан вокруг таких болезней, как рак груди, построив новые партисипаторные модели науки [Brown et al. 2004; McCormick et al. forthcoming].

Такие примеры синергии встречаются повсюду, но следует предостеречь от иллюзии простоты интеграции нашей дисциплины. Взаимо-

связь четырех социологий зачастую трудно достичь, потому что они очень сильно различаются по своим когнитивным практикам, по целому ряду измерений – форме знания, понятиям истины, легитимности, ответственности, – и по практическим действиям, и у каждой из них – свои собственные патологии. Таблица 3 подчеркивает эти различия.

Таблица 3.

УТОЧНЕНИЕ ТИПОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

	Академическое	Вне-академическое
<i>Инструментальное</i> Знание	<i>Профессиональная социология</i>	<i>Прикладная социология</i>
Истина	Теоретическое/эмпирическое	Конкретное
Легитимность	Соответствие	Польза
Ответственность	Научные нормы	Эффективность
Политика	Коллеги	Клиенты
Патология	Профессиональный интерес к себе самой	Вмешательство политики
	Самореферентность или Самодостаточность	Сервильность
<i>Рефлексивное</i> Знание	<i>Критическая социология</i>	<i>Публичная социология</i>
Истина	Фундаментальное	Коммуникативное
Легитимность	Нормативность	Консенсус
Ответственность	Моральное видение	Значимость
	Критически настроенные интеллигенция	Определенные группы общества
Стратегия	Внутренние дебаты	Публичный диалог
Патология	Догматизм	Популизм

Знание, которое у нас ассоциируется с профессиональной социологией, основано на развитии исследовательских программ, отличающихся от конкретного знания, нужного заказчиком, от коммуникативного знания, которым обмениваются социологи и их публика, которое, в свою очередь, не похоже на фундаментальное знание критической социологии. Из этого вытекает разница в представлениях об истине, характерных для каждого из упомянутых выше типов знания.

Профессиональная социология занята производством теорий, которые корреспондируют с эмпирическим миром, а в случае прикладной социологии знание должно быть «практичным» или «полезным». В то же время знание, востребованное в публичной социологии, основывается на консенсусе между социологами и их целевыми группами общества, тогда как «истина» критической социологии ничего не значит без той ценностной основы, в которых эта сама истина укоренена. Каждый тип социологии пользуется своей собственной легитимацией: профессиональная социология оправдывает себя на основе научных форм, при-

кладная социология на основе своей эффективности, публичная социология – на основе своей релевантности, а критическая социология должна предоставлять моральное видение. Каждый тип социологии по своему подотчетен. Профессиональная социология несет ответственность перед коллегами, прикладная социология – перед своими клиентами, публичная социология – перед определенными группами общества, в то время как критическая социология – перед сообществом критически настроенных интеллектуалов, которые могут преступать дисциплинарные границы. Более того, каждый тип социологии имеет собственные задачи: профессиональная социология отстаивает условия воспроизводства науки, прикладная социология предлагает практические интервенции, публичная социология понимает свою стратегию как демократический диалог, в то время как критическая социология призвана вести дискуссию внутри нашей дисциплины.

Последнее, и самое важное: каждый тип социологии страдает от собственной патологии, появляющейся из когнитивной практики и встроенности в различные, нередко противоречащие друг другу институты. Те, кто обращаются только к узкому кругу академиков, быстро становятся изолированными. Стремясь решать задачи, определенные нашими исследовательскими программами, профессиональная социология может с легкостью сфокусироваться на кажущейся неуместности¹. В попытке определить свое место в мире науки мы действительно становимся заинтересованными в монополизации только нам доступных знаний, что может привести к невразумительной грандиозности или узкому «методизму». Не меньше, чем у профессиональной социологии, собственные патологические тенденции к самоуглубленному сектантству имеются и у критической социологии – к сообществам догмы, в которых уже не будет никакой серьезной вовлеченности в профессиональную социологию, ни вдохновенных ценностей публичной социологии.

С другой стороны, прикладная социология слишком легко поглощается заказчиками, которые налагают строгие контрактные обязательства на финансирование, вызывая искажения, которые могут в свою очередь влиять на профессиональную социологию. Если исследование рынков будет главным источником финансирования прикладной социологии, как того и опасался Миллис, мы все можем оказаться заложниками этой ситуации. Миграция социологов на факультеты бизнеса, педагогики и политики могла бы регулировать эту патологию, но определенно не изолировать дисциплину от такого давления. Публичная со-

¹ Я говорю «кажущейся» неуместности, потому что первое и самое главное правило исследовательской программы определяет, что есть аномалия или противоречие. Если результаты кажутся тривиальными, исследовательская программа сама должна нести ношу релевантности и инсайта. Некоторые исследования некомпетентному человеку могут казаться тривиальными и нерелевантными, но являются фундаментально значимыми ученому, работающему в том же научном направлении.

циология, не менее, чем прикладная социология может оказаться заложником внешних сил.

В стремлении к популярности публичная социология склонна потакать и льстить своим аудиториям, своим группам общественности, и таким образом компрометирует то, чему привержены социологи в профессиональном и критическом аспектах. Существует, конечно, и другая опасность, что публичная социология станет говорить со своими аудиториями сверху вниз, – своего рода интеллектуальный авангардизм. Разумеется, можно отследить такую патологию в презрении Ч. Райта Миллса к «массовому обществу». Эти патологии являются реальными тенденциями, так что критические взгляды Джейкоби, Паттерсона, Бергера и других на профессиональную социологию вовсе не бесосновательны. Однако, эти критики ошибаются, сводя патологическое к нормальному. Им было очень удобно пропустить важное, релевантное исследование профессиональной социологии, которое представлено, например, на страницах журнала «Контексты» (Contexts), так же, как они не замечают патологий и в собственных типах социологии¹.

Эти профессионалы не менее виновны в патологизации публичной социологии в качестве «поп-социологии», не замечая повсеместно распространенную и крепкую, но, зачастую, менее доступную публичную социологию. Как сообщество мы слишком легко принялись воевать друг с другом (как с «другим»), не видя необходимой взаимозависимости наших столь разных знаний. Нам нужно привязать себя к мачте, сделав наши профессиональную, политическую, публичную и прикладную социологии взаимно ответственными. Одновременно мы ограничим и рост патологий.

Институционализация взаимного обмена также потребует от нас развития общего этоса, который признает валидность всех четырех типов социологии – обязательство, основанное на актуальности проблем, которые мы изучаем. В идеале, в подобном нормативном видении никому не придется быть публичным социологом, чтобы внести вклад в публичную социологию. Это можно будет сделать, просто будучи хорошим профессиональным, критическим социологом или прикладным социологом. Расцвет каждой социологии повлечет за собой расцвет целого.

ТЕЗИС VII: ДИСЦИПЛИНА КАК ПОЛЕ ВЛАСТИ

В реальности научные дисциплины – это поля власти, где взаимозависимость оборачивается асимметричными и антагонистиче-

¹ Они полагают, что вся профессиональная социология тривиальна и зациклена на мелочах, но это абсолютно не тот случай, если даже просто посмотреть на страницы журнала «Контекст». Пытаясь свести всю профессиональную социологию к ее патологиям, они забывают о тех патологиях, которые точно так же нужно находить и в предпринимаемых ими исследованиях в духе «критической», и в прикладной социологии, в частности, догматизм и сервильность.

скими отношениями. Результатом, по крайней мере, в США, является такая форма доминирования, в которой инструментальное знание превалирует над знанием рефлексивным.

Наш ангел истории, поднявшись в 1970-е годы, был захвачен еще одной бурей в 1980-е годы. Социология находилась в состоянии кризиса – количество абитуриентов быстро падало, ситуация на рынке труда для квалифицированных социологов ухудшалась, ходили слухи о закрытии факультетов, и интеллектуально дисциплина, казалось, сбилась с пути. Из-под пера Ирвина Луи Хоровитца [Hogowitz, 1993] вышла «Декомпозиция социологии», в которой автор жаловался на ее политизацию. Джеймс Коулман [Coleman, 1991, 1992] посвятил свои статьи опасности политической корректности и вторжению социальных норм в научное сообщество. Сборник под редакцией Стефана Коула [Cole, 2001] «Что не так с социологией?» включил статьи таких выдающихся социологов, как Питер Бергер, Джоан Хубер, Рэндалл Коллинз, Сеймур Мартин Липсет, Джеймс Дэвис, Мэйер Зальд, Артер Стинчкомб и Говард Беккер. Они сокрушались по поводу фрагментации и непоследовательности социологии, словно бы истинная наука, – как они представляли себе естествознание или экономику, – всегда является целостной и последовательной! Их оптимизм 1950-х годов стал отдавать горечью из-за критического вызова в адрес консенсусной социологии в 1960-е и 1970-е годы. Цыплята возвращались на насест, и социология, или их видение ее, оказалось в опасности.

Возможно, самой интересной и скрупулезной в этом жанре была работа Стефана Тернера и Джонатана Тернера [Turner and Turner, 1990] «Невозможная наука», которая восстановила историю социологии с этой мрачной точки зрения. С самого начала, утверждают они, социология не имела ни постоянной аудитории, ни надежных клиентов и патронов. Ее постоянно осаждали политические силы, с нерегулярным и кратковременным перевесом сил в пользу науки после Второй мировой войны. Красной нитью, проходящей через все эти нарративы упадка, является мысль о том, что своим недомоганием дисциплина обязана подрывной силе своего рефлексивного знания, будь то в форме критической или публичной социологии.

В одном отношении я согласен с представителями этой теории «упадка»: наша дисциплина является не только потенциально интегрированным подразделением труда, но также *полем власти*, более или менее стабильной иерархией антагонистических знаний. Однако, я отнюдь не согласен с их оценкой состояния социологии и баланса сил внутри нашей дисциплины. Спад социологии в 1980-е годы был кратковременным. Сегодня социология находится на пике и крайне далека от депрессивного состояния. Количество бакалавров гуманитарных наук в социологии постоянно растет с 1985 года, обгоняя экономику и историю и почти догоняя политологию. Число защит докторских диссертаций по-прежнему отстает по сравнению с близкими дисциплинами, но наши

показатели постоянно растут с 1989 года. Они, вероятно, продолжают расти, чтобы удовлетворять спрос на университетских преподавателей, хотя тенденция к росту занятых на полставки и по совместительству не снижается. Членство в Американской социологической ассоциации быстро увеличилось за последние четыре года, вновь достигнув пика 1970-х годов. Возможно, это странно, учитывая враждебный социологии нынешний политический климат, однако, может быть, именно этот климат притягивает людей к критическим и публичным моментам социологии. Моя вторая причина несогласия со сторонниками этой теории «упадка» касается угрозы социологии. Я уверен, что именно рефлексивное, а не инструментальное измерение находится в опасности. По крайней мере, в США профессиональная и прикладная социология диктуют направление развития дисциплины – первая дает возможности карьеры, вторая – финансирование. Критическая социология предоставляет ценности, а публичная – влияние, но это несопоставимо власти карьеры и денег.

Диалог возможен по вертикальному измерению (см. Табл. 1), но реальные узы симбиоза располагаются в горизонтальном направлении, где создается правящая коалиция профессиональной и прикладной социологии и второстепенная взаимность критической и публичной социологии. Эта картина доминирования возникает из вовлеченности дисциплины в более широкое созвездие власти и интересов. В нашем обществе голос денег и власти громче, чем голос ценностей и влияния. В США капитализм особенно несовершенен в публичной сфере, которая не только слаба, но еще и наводняется армиями экспертов и СМИ. Социологический голос тонет в этом хоре. Так же как публичная социология вынуждена сталкиваться с конкурентной публичной сферой, критическая социология сталкивается с балканизацией дисциплин. В результате критическая дискуссия лишена доступа к своему наиболее мощному двигателю – параллельному протеканию в других дисциплинах.

Распределение власти указывает на преимущество инструментального знания, но мы по-прежнему можем сами создать нашу дисциплину, открывая пространства для производства более смелого и жизнеспособного видения. Несомненно, существует противоречие между ответственностью профессиональной социологии перед коллегами и ответственностью публичной социологии перед группами общественности, но обязательно ли это должно вести к враждующим лагерям, патологизирующим друг друга? Критическая и прикладная социология сильно расходится между собой – одна держится за свою автономию, а вторая – за своих заказчиков, – но если бы каждая из них распознала в себе элементы другой, антагонизм мог бы смениться взаимностью. Вместо того, чтобы разводить дисциплину в различные сферы, можно развить разнообразие синергий и продуктивных комбинаций. Здесь нет возможности продолжать обсуждение потенциальных антагонизмов и союзов в этом поле власти. Достаточно сказать, что если нашу дисциплину можно

удержать вместе лишь системой доминирования, то пусть эта система будет господством, а не деспотизмом. Иными словами, те типы знания, которые пока являются второстепенными (критическое и публичное) должны получить жизненное пространство, чтобы развить их возможности и вновь привнести динамизм в доминирующие типы знания. Профессиональная и прикладная социологии должны реорганизовать свой просвещенный интерес к развивающейся критической и публичной социологии. Насколько бы деструктивными они ни казались в краткосрочной перспективе, в долгосрочной перспективе инструментальное знание не может процветать без вызовов со стороны рефлексивного знания, без обновления и изменения тех ценностей, которые служат основой исследований, тех ценностей, которые черпаются в обществе и получают в нем новую силу.

Мы очертили поле власти, который включает отношения между четырьмя социологиями относительно абстрактным образом. Их конкретная комбинация будет изменяться в зависимости от факультетов, со временем в пределах одной страны, среди разных стран и в глобальном масштабе. Соответственно, три следующих тезиса раскрывают особенности современной конфигурации социологии США путем ряда сравнений. Тем самым мы углубим наше знакомство с национальными и глобальными силами, оформляющими поля научных дисциплин.

ТЕЗИС VIII: ИСТОРИЯ И ИЕРАРХИЯ

В США доминирование профессиональной социологии возникло через ряд последовательных диалогов с публичной, критической и прикладной социологиями. Но даже здесь мощь профессиональной социологии сосредоточена на исследовательских отделениях на верхних этажах весьма многослойной системы университетского образования, в то время как второстепенные уровни публичной социологии зачастую важнее, даже если и менее заметны.

Сегодня мы принимаем доминирование профессиональной социологии как нормальную черту социологии США, но на самом деле это довольно недавнее явление. Мы можем рассмотреть историю социологии США как углубление профессионального типа науки в трех последовательных периодах.

Профессиональная социология началась в середине XIX века как диалог между амелиоративной, филантропической и реформаторской группами, с одной стороны, и ранними социологами, с другой стороны. Последние зачастую были выходцами из религиозного сообщества, но они перевели свое моральное рвение в развитие светской социологии. После Гражданской войны исследование социальных проблем развилось путем сбора и анализа статистики труда, а также в социальных обследованиях бедных слоев населения. Сбор данных, доказываю-

щих тяжелые условия жизни низов, стало движением, заложившим основы профессиональной социологии. Социологи оставались в тесном контакте со всеми группами расцветающего гражданского общества даже после образования в 1905 году Американского социологического общества, как его тогда называли. Таким образом, социология была публичной по своему происхождению.

Вторая фаза социологии относится к тому периоду, когда происходил сдвиг от групп общественности к фондам и правительству. Начиная с 1920-х годов, когда Фонд Рокфеллера оказал поддержку Институту исследований социальных и религиозных отношений (Institute for Social and Religious Research) на известные исследования Миддлтауна, а затем и университетам Чикаго и Северной Каролины на исследование местных сообществ, фонды стали всё более активными в продвижении социологии. Тогда же удалось получить государственную поддержку социологии села [Larson and Zimmerman, 2003]. В должности директора Президентской исследовательской комиссии (1933), Уильям Отбурн выпустил под своей редакцией массивный том «Современных социальных тенденций в США».

Во время Второй мировой войны государственная поддержка социологических исследований продолжилась, самым известным было многотомное исследование морали в армии США Сэмюэля Стоуффера [Stouffer, 1949]. После войны появился новый источник финансирования, а именно корпоративное финансирование исследований, – ярким примером чему выступает деятельность Пола Лазарсфельда в Бюро прикладных социологических исследований в Колумбийском университете. Чем больше социология зависела от коммерческого и правительственного финансирования, тем больше она развивала точные статистические методы для анализа эмпирических данных, которые со многих сторон подвергались критике. Третья фаза американской социологии, таким образом, была отмечена вовлечением критической социологии в профессиональную. Ее вдохновителем был Роберт Линд [Lynd, 1939], критиковавший социологию за сужение кругозора и заявления по поводу нейтралитета ценностей. Возможно, самым знаменитым продолжателем этих идей явился Ч. Райт Миллс [Mills, 1959], который называл вовлеченность социологии в группы общественности «либеральным практицизмом» ('liberal practicality'), а второй период объединения и государственного финансирования – «нелиберальным практицизмом» ('illiberal practicality'). Однако, он не осознавал, что сам инициировал третью фазу «критической социологии», которая перенаправила как теоретические, так и методологические тенденции внутри дисциплины. Алвин Гоулднер [Gouldner, 1970] создал целую ветвь в этой третьей фазе, подвергая критике основания структурного функционализма и близкие этому направлению социологии, и создавая пространство новых теоретических тенденций, находящихся под влиянием феминизма и марксизма. Эта критическая социология по-

служила источником энергии и вдохновения в период реконструкции профессиональной социологии в 1980-е и 1990-е годы. Откуда же возьмется следующий импульс для социологии? Согласно нашему Тезису I, социологию на общественную арену продвигает именно разрыв между социологическим этосом и миром. Кроме того, профессиональная социология сейчас достигла такого уровня зрелости и уверенности, что может вернуться к своим гражданским корням и продвигать публичную социологию с позиции ее сильных сторон – вовлеченности в глубокие и волнующие глобальные тенденции нашего времени.

Изначальная публичная социология XIX века неизбежно была провинциальной, но она всё же заложила основу амбициозной профессиональной социологии XX века, которая, в свою очередь, создала основу собственному превосходству – публичной социологии глобальных процессов XXI века. Это не принижает важность местной публичной социологии, органических связей между социологами и непосредственными общинами. Вовсе нет. Ведь глобальное заявляет о себе через местные процессы и состоит из них. Нам следует признать, что местная публичная социология уже занимает важное место в наших государственных системах образования, где факультеты несут огромную преподавательскую нагрузку. Если они могут выделить немного времени за рамками преподавания, они вынесут свою публичную социологию из учебных аудиторий в сообщество. Мы не знаем об этих внепрограммных публичных социологиях, потому что их участники редко находят время, чтобы писать о них. К счастью, Керри Стрэнд, Сэм Марулло, Ник Катфорт, Рэнди Стокер и Патрик Донохью [Strand et al., 2003] бросили луч света на эту скрытую территорию, создав пособие по органическим публичным социологиям или то, что они называют исследованием, основанным на взаимодействии с сообществом (community-based research). Их книга излагает принципы и приемы, сопровождаемые многочисленными примерами, многие из которых показывают, как сочетаются исследование, преподавание и услуги¹.

Более общая точка зрения заключается в том, что система высшего образования в США является широкой сетью институтов, иерархичных и необычайно разнообразных. Поэтому конфигурация наших четырех социологий выглядит неодинаково на разных уровнях и в разных местах. Концентрация исследований и профессионализма на высших этажах нашей университетской системы возможна, по крайней мере, отчасти, благодаря перегрузке наших преподавательских институтов – четырех и двухгодичных колледжей. Конфигурация социологий в этих институтах аналогична той, что мы видим в слабо финансируемых частях мира. Как показывает следующий тезис, разнообразие в США отражает разнообразие на глобальном уровне.

¹ Услуги социальной поддержки, работа с молодежью, помощь бедным, мигрантам и проч. *Прим. ред.*

ТЕЗИС IX: ПРОВИНЦИАЛИЗАЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Социология США позиционирует себя как универсальная, однако является частным случаем – не только по своему содержанию, но и по своей форме, то есть, в своей конфигурации наших четырех типов социологии. В то же время она имеет огромное влияние на другие национальные социологии, и не всегда на их благо. Таким образом, нужно изменить не только национальное, но и глобальное разделение социологического труда.

Термин «публичная социология» является чисто американским изобретением. Если в других странах это есть сущность социологии, то для нас – это всего лишь часть нашей дисциплины, и к тому же небольшая. А с точки зрения некоторых американских социологов, она и вовсе не принадлежит к нашей дисциплине. Однако, когда я ездил в Южную Африку, чтобы поговорить о публичной социологии, – и это будет справедливо для многих стран мира – моя аудитория смотрела на меня в замешательстве. Чем еще может быть социология, как не вовлечением в дела и проблемы различных социальных групп, актуальные общественные вопросы?

То, чему Американская социологическая ассоциация посвящает наши ежегодные собрания с публичными социологами, многое говорит о силе профессиональной социологии в США. Более того, в мире, где национальная профессиональная социология зачастую оказывается слабее, чем публичная социология, акцент на последней представляет вызов международной гегемонии американской социологии США, указывая на различия в социологии на национальном и глобальном уровне. Конфигурация наших четырех типов социологии различна в разных странах. На Глобальном Юге, как я упоминал, социология зачастую имеет сильное общественное присутствие. Посетив Южную Африку в 1990 году, я с удивлением обнаружил тесную связь между социологией и борьбой против апартеида, особенно в трудовом движении, но также и в многообразных гражданских организациях. В то время как в США мы теоретизировали социальные движения, в Южной Африке социологи были заняты созданием социальных движений! Этот проект направлял их социологию, стимулируя целое новое поле исследований – профсоюзное движение. А социологи США двадцатью годами позже заново открыли для себя это поле, как абсолютно новую идею!

Но социология Южной Африки сфокусирована не только на социальной мобилизации, но и на целях такой мобилизации. Социологи анализировали характер и тенденции апартеида, обсуждали стратегию сопротивления. Они задавались вопросом, должны ли быть слугами или критиками движения. Однако, сегодня, через десять лет после того как апартеид Южной Африки представляет собой менее выгодный кон-

текст для публичной социологии, поскольку социологи разошлись по негосударственным организациям, корпорациям или осели в государственном аппарате, новое правительство призывает социологов держаться в стороне от окопов гражданского общества и сфокусироваться на преподавании, а социальные исследования направлены на непосредственные политические вопросы или «сосредоточены на «международных вопросах», т.е. на американских профессиональных стандартах. Демобилизация гражданского общества осуществилась наряду со сдвигом от рефлексивной к инструментальной социологии [Sitas 1997; Webster 2004].

Подобные тенденции можно найти где угодно, но каждая из них обладает национальной спецификой. Возьмем Советский Союз. Социология ушла в андеграунд при Сталине, чтобы вновь оказаться на поверхности как орудие официальной и неофициальной критики в пост-сталинских режимах. Исследование общественного мнения стало формой публичной социологии во время оттепели 1960-х годов, перед тем его мобилизовал партийный аппарат. Под мощным началом Татьяны Заславской перестройка вдохнула жизнь в социологию, придала ей силы. Социология выросла в эпицентре взрыва гражданского общества. С опустошением гражданского общества в пост-советский период, однако, неопытная социология оказалась беззащитной перед шквалом рыночных сил. За редким исключением социологию изгнали в школы бизнеса, центры изучения общественного мнения и рынка. Если она и существует как серьезное интеллектуальное предприятие, то как правило, за счет финансирования западными фондами, при участии социологов, прошедших обучение в Англии или США.

Совсем иная ситуация наблюдается в скандинавских странах с их сильными традициями социал-демократии. Здесь социология росла вместе с государством благоденствия, что предполагало сильную политическую ориентацию и такое же сильное общественное движение. Норвежская социология, на которую очень большое влияние оказала американская социология, была переплетена с миром социальных практик, где очень весом вклад феминизма. Профессиональное сообщество здесь небольшое – менее 200 зарегистрированных социологов (население Норвегии – около 5 миллионов), и наиболее амбициозные его члены ищут место в разных секторах общества, будь то в правительстве или среди интеллектуалов, работающих с общественностью. Они регулярно выступают в прессе, на радио и телевидении. Норвежцы энергично выпускают свою публичную социологию за границу, становясь международным центром со связями не только в США, но также в Европе и странах Глобального Юга. Остальная Европа довольно неоднородна. Во Франции – одна из древнейших традиций профессиональной социологии, и одновременно развитая публичная социология с такими ведущими умами, как Раймон Арон, Пьер Бурдьё и Алан Турэн. В Англии профессиональная социология моложе, возник-

ла после Второй мировой войны, была легко уязвима перед лицом режима Тэтчер, которая пыталась заставить замолчать общественность и заглушить политические инициативы, вызывая к жизни более оборонительную интеллектуальную профессию. Возвращение правительства лейбористов дало социологии новые возможности, расширив сферу прикладных социальных исследований и продвинув ее самого яркого и плодовитого публичного социолога Энтони Гидденса в Палату Лордов.

Обозначая поля национальных социологий, можно узнать не только, что именно представляет собой социология США, но и насколько она влиятельна. Выпуская каждый год 600 докторов наук, она выглядит гигантом в мировой социологии. Многие из ведущих социологов, преподающих в других частях света, прошли подготовку в США. Американская Социологическая ассоциация насчитывает более 14000 членов, 24 из которых работают здесь на полную ставку. Но это не просто доминирование показателей и ресурсов; ведь правительства по всему миру готовят всё больше и больше собственных ученых, включая социологов, соответствующих «международным» стандартам, что означает публикации в «западных», в особенности американских, журналах. Это происходит в Южной Африке и Тайване, а также в странах со значительными ресурсами, например, в Норвегии. Вдохновляемые связями с Западом и публикуясь на английском языке, национальные социологии утрачивают свою связь с национальными проблемами и местными вопросами. Многие государства мира поощряют глобальное давление, что разрушает национальное разделение социологического труда, вбивая клинья между четырьмя социологиями.

Без всякого тайного сговора или намерений со стороны профессионалов социология США обретает мировую гегемонию. Мы, таким образом, имеем особую ответственность по провинциализации собственной социологии, снятию ее с пьедестала универсальности и признанию ее отличительного характера и национальной силы. Нам следует развивать диалог вновь, с иными национальными социологиями, признавая их локальные традиции или их стремление укоренить социологию в местном контексте.

Мы должны думать в глобальном масштабе, признавать возникающее глобальное разделение социологического труда. Если США задают тон своей профессиональной социологией, то нам важно стимулировать публичные социологии на Глобальном Юге и прикладные социологии в Европе. Важно поощрять те сети критических социологий, которые преодолевают не только пределы дисциплин, но и национальные границы. Мы должны применить нашу социологию к самим себе, лучше осознать глобальные силы, которые управляют нашей дисциплиной, чтобы быть в состоянии управлять, а не быть ведомыми ими.

ТЕЗИС X: РАЗДЕЛЯЯ ДИСЦИПЛИНЫ

Социальные науки отделяют себя от гуманитарных наук и естествознания сочетанием как инструментального, так и рефлексивного знания – сочетанием, которое само по себе вариативно и тем самым дает различные возможности публичной и прикладной интервенции. Междисциплинарное знание принимает различные формы в каждом квадранте социологического поля.

Говорят, что разделение дисциплин является случайным результатом европейской истории XIX века, что нынешняя дисциплинарная специализация является анахронизмом, и что мы должны двигаться вперед к единой социальной науке. Эта позитивистская фантазия была недавно возрождена Иммануилом Валлерстейном [Wallerstein et al. 1996] в Отчете Комиссии Гульбенкяна по реформированию социальных наук. Проект выглядит достаточно безобидным, но поскольку ему не удается поставить вопросы – знание для кого? и знание для чего? – в новой объединенной социальной науке с необычайной легкостью расплывается рефлексивность, то есть критические и публичные аспекты социальных наук. В мире доминирования единство слишком быстро становится единством сильных. Объявить разделение дисциплин произвольным просто потому, что они были созданы в определенный момент истории, означает оставить без внимания те непрерывные и изменяющиеся смыслы и интересы, которые они представляют. Это означает прийти к ложному умозаключению. Для того, чтобы подчеркнуть основания для разделения дисциплин и в интересах краткости, я возвращаюсь к схематичным портретам академических полей, неизбежно принося в жертву анализ их внутренних дифференциаций и к вариациям во времени и пространстве.

Естествознание в самом широком смысле основывается на инструментальном знании, уходит корнями в исследовательские программы, чье развитие управляется научными сообществами. Вне-академическая аудитория расположена в практическом мире – промышленности или правительстве – и готова использовать научные открытия. Всё чаще вне-академическая аудитория входит в академию, чтобы направлять или следить за ее исследованием, побуждая оппозицию к тайному сговору¹, будь то в области медицинских исследований, ядерной физики или биоинженерии [Erstein, 1996; Moore, 1996; Schurman and Munro, 2004]. Такая критическая рефлексивность, зачастую проникающая в общественные дебаты, отнюдь не является сутью естествознания, в отличие от гуманитарных наук. Так, произведения искусства или литературы в конечном итоге подтверждают свой статус на основе диалога в узких группах знатоков или на уровне более широкой общественности. Их истинность устанавливается через присутствие им эстетические ценности на

¹ В университетах наблюдается растущее противостояние таким практикам, когда исследование финансируется корпорациями, т.е. сговору между наукой и бизнесом.

основе дискурсивной оценки, то есть критической и публичной форм знания, хотя, разумеется, они могут вырабатываться в школах инструментального знания и даже выходить в практическую сферу принятия решений (policy world).

Социальные науки балансируют на перекрестке гуманитарных наук и естествознания, поскольку по определению они принимают участие как в инструментальном, так и в рефлексивном знании. Однако, баланс между этими двумя типами знания в социальных науках варьируется. Экономика, например, как социальная наука максимально приближена к тому, что можно назвать парадигматической дисциплиной, в которой доминирует единственная исследовательская программа (неоклассическая экономика). То, как организована дисциплина, отражает это обстоятельство – через нехватку наград (Медаль Джона Бейтса Кларка и Нобелевская премия), контроль элит над основными журналами, четкое ранжирование не только факультетов, но и отдельными экономистов, а также отсутствие автономно организованных субдисциплин. Экономисты-диссиденты выживают только в том случае, если могут предварительно реализовать себя в профессиональном смысле слова. Несомненно, можно сравнить профессиональную экономическую науку с дисциплинированной коммунистической партией, в которой присутствуют и диссиденты, и четкая доктрина, предполагающая ее распространение по всему миру во имя свободы¹. Внутренняя последовательность экономической науки предоставляет ей больший престиж внутри научного сообщества и большую эффективность в сфере принятия решений.

Если экономическая наука схожа с коммунистической партией, американскую социологию можно сравнить с анархо-синдикализмом, децентрализованной партиципаторной демократией. Эта дисциплина основывается на множественных и пересекающихся исследовательских традициях, представленных в ее очень активных 43 секциях и их постоянно множачихся наградах [Ennis, 1992], более 200 социологических журналах [Turner and Turner, 1990. P. 159]. Наш институциональный образ действия отражает наши разнообразные концепции, пусть и не всегда адекватно. Дисциплина, несмотря на свою иерархическую и элитарную кастовую систему [Burris, 2004], все же более открыта, чем экономическая наука в отношении мобильности сотрудников между факультетами и способов рекрутирования аспирантов [Han, 2003]. Дисциплина более демократична в своем выборе административных работников в профес-

¹ Марион Фуркаде-Гуринчас [Fourcade-Gourinchas, 2004] находит свидетельства огромного международного влияния американской экономической науки. Отталкиваясь от идей Амаргты Сен [Sen, 1999], Питер Эванс [Evans, 2004] прилагает массу усилий, чтобы подтолкнуть экономическую науку по направлению к глубокой вовлеченности в жизнь общества, участию в обсуждении и решении важных для гражданского общества вопросах, к экономической науке, чувствительной к местным проблемами и делиберативной демократии.

сиональной ассоциации. Членские резолюции не ограничиваются профессиональными проблемами, и они требуют поддержки только 3% членов для того, чтобы быть поставленными на голосование. Таким образом, если экономическая наука более эффективна в сфере принятия решений, структура социологии как дисциплины организована так, чтобы отвечать на запросы различных групп общественности. В той степени, в какой наши относительные преимущества лежат в публичной сфере, мы вероятнее будем оказывать влияние на политику косвенно, в рамках нашего публичного участия.

По сравнению с другими социальными науками, политология является балканизированным полем, которое, однако, чаще проявляет склонность к прикладным исследованиям, чем к взаимодействию с общественностью, к инструментальному, а не рефлексивному знанию. Сегодня тенденции к построению моделей в духе рационального выбора привели к сдвигу в рефлексивном направлении. Движение Перестройки (Perestroika Movement) в политологии поддерживает более институциональный подход к политике и поддерживает политическую теорию как критическую теорию. Антропология и география балканизированы в рамках инструментально-рефлексивного разделения, так что культурная антропология и социальная география зачастую выступают против scientistic моделей своих коллег, в то же самое время функционируя в качестве мостов на пути к гуманитарной науке. Философия, еще один мост между социальными и гуманитарными науками, находит свою ясно различимую нишу в области критического знания.

Дисциплинарные разделения в США намного сильнее, чем где-либо еще, поэтому «междисциплинарное» знание приводит к ненадежному существованию на границах наших дисциплин. Каждый из четырех типов социологии развивает своеобразный обмен и сотрудничество с соседствующими дисциплинами. В границах профессионального знания имеет место *кросс-дисциплинарное заимствование*. Когда экономическая социология и политическая социология заимствуют у смежных дисциплин, результат по-прежнему является характерной частью социологии – речь идет о социальных основаниях рынков и политики. На границах критического знания осуществляется *транс-дисциплинарная инъекция*. Феминизм, постструктурализм и критическая расовая теория – все они проявления вмешательства критической социологии в профессиональную социологию. Но влияние этой инъекции всегда было довольно ограничено.

Развитие публичного знания часто осуществляется через *мультидисциплинарное сотрудничество*, как, например, в «партиципаторном акционистском исследовании», в котором сообщества работают совместно с учеными из соответствующих дисциплин. Сообщество определяет проблему – скажем, муниципальное жилье, загрязнение окружающей среды, болезни, прожиточный минимум, плата за обучение – и затем работает вместе с мультидисциплинарной командой по определению

параметров и формулированию подходов. Наконец, в сфере принятия решений существует *ко-дисциплинарная координация*, которая зачастую отражает иерархию дисциплин. Таким образом, финансируемая государством область исследований часто работала с хорошо определенными стратегическими целями (policy goals), что создавало прецедент для политологии и экономической науки.

Признавая силу дисциплинарного разделения, отмечаемого в различных комбинациях инструментального и рефлексивного знания, мы должны спросить: что означает это разнообразие? Точнее, есть ли что-нибудь отличительное в социологическом знании и интересах, которые оно представляет? Мы могли бы быть экономистами или политологами, а по счастливой случайности оказались социологами – это вопрос небольшого совпадения, библиографическая случайность? Есть ли у нас собственная идентичность среди общественных наук? Это приводит меня к последнему тезису.

ТЕЗИС XI: СОЦИОЛОГ КАК ПРИВЕРЖЕНЕЦ ¹

Если точка отсчета экономической науки – рынок и его расширение, а точка отсчета политологии – государство и гарантия политической стабильности, то отправная точка социологии – это гражданское общество и защита общественного. Во времена рыночной тирании и государственного деспотизма социология – и в особенности ее публичный аспект – защищают интересы человечества.

Социальные науки – вовсе не плавильный котел дисциплин, потому что дисциплины представляют различные и противоположные интересы – в самую первую очередь интересы по сохранению тех оснований, на которых базируется их знание. Экономика, какой мы представляем ее сегодня, зависит от существования рынков с их интересами экспансии; политология зависит от государства, заинтересованного в политической стабильности; в то время как социология зависит от гражданского общества с его интересом в расширении общественного.

Но что такое гражданское общество? В целях аргументации в данной статье его можно определить как продукт западного капитализма конца XIX века, который произвел ассоциации, движения и группы общественности, находившиеся за пределами как государства, так и экономики – политические партии, профсоюзы, школы, религиозные сообщества, печатные СМИ и разнообразные добровольческие организации. Эти скопления ассоциаций являются уникальной отправной

¹ Взято из одноименного эссе Элвина Гоулднера [Gouldner, 1968]. Равно применимы к Тезису IX и заставляющие задуматься слова Пьера Бурдьё: «Этносоциолог – это своего рода органический интеллектual человечества, который как коллективный агент может внести вклад в денатурализацию и дефатализацию существования, поставив свою компетентность на службу универсализму, имеющему корни в понимании партикуляризма» [Цит. по: Wacquant, 2004].

точкой социологии, так что когда они исчезают – в Советском Союзе Сталина, в Германии Гитлера, в Чили Пиночета, – социология тоже исчезает. Когда гражданское общество процветает – перестройка в России или поздний апартеид в Южной Африке – то же происходит и с социологией.

Социология своей пуповиной связана с обществом, хотя, конечно, это не означает, что социология изучает только гражданское общество. Вовсе нет. Но она изучает государство или экономику с *позиции гражданского общества*. Политическая социология, например, это не то же самое, что политология. Она изучает общественные предпосылки политики и политизацию общественного, точно так же, как экономическая социология отличается от экономики, усматривая то, что не замечают экономисты, т.е. социальные основания рынка. Это тройственное разделение социальных наук – у меня здесь нет возможности обсуждать такие близкие дисциплины, как география, история и антропология – существовало при их рождении в XIX веке, но в XX веке оно стерлось (с размытием и пересечением границ государства, экономики и общества). Однако за последние 30 лет это тройное разделение начало возрождаться в силу государственной обособленности, с одной стороны, и рыночного фундаментализма, с другой. В течение этого периода гражданское общество было колонизировано и поглощено рынком и государством. И всё же оппозицию этим близнецовым силам представляет, если это вообще случается, именно гражданское общество, понимаемое в его локальном, национальном и транснациональном выражениях. В этом смысле присоединение социологии к гражданскому обществу, то есть публичная социология, представляет интересы человечества – интересы, касающиеся удержания на расстоянии как деспотизма государства, так и рыночной тираннии.

Позвольте мне немедленно доказать вышесказанное. Во-первых, я действительно верю, что экономика и политическая наука совместно произвели идеологические замедленные бомбы, оправдывающие избыточность рынков и государств, ту избыточность, которая разрушает основания публичного университета ¹, то есть, их же собственные академические условия существования, – как и многое другое. И всё же признавая это, я не хочу сбрасывать со счетов всех политологов и экономистов. Научные дисциплины – это, в первую очередь, поля власти, каждое с собственными доминантными и оппозиционными силами. Подумайте о движении перестройки в политологии ² или об Обществе Пост-Аутичных экономистов ³,

¹ Public university – университет с финансированием преимущественно из государственного или регионального бюджета.

² Perestroika Movement in political science – движение за реформирование политологии.

³ Network of Post-Autistic Economics – движение инакомыслящих экономистов, полагающих, что традиционная экономическая наука склонна концептуализировать индивидов как больных, страдающих аутизмом.

признающих личность как зрелое и многостороннее человеческое существо. Как социологи мы можем найти и, несомненно, уже нашли сторонников среди них и сотрудничали с этими оппозиционными образованиями.

Поле социологии также разделено. Гражданское общество, в конце концов, не такая гармоничная община, оно расщеплено сегрегациями, доминированием и эксплуатацией ¹. Исторически, гражданское общество было представлено мужчинами и белой расой. Став более открытым, оно наводнилось государством и рынком, получило отражение в социологии некритическим использованием таких концепций, как социальный капитал. Гражданское общество – это, по большому счету, оспариваемая территория, но всё же, я доказываю, в условиях нынешней конъюнктуры лучшая из возможных территорий для защиты гуманизма – защиты, которая будет поддержана культивацией критически настроенной публичной социологии.

Как мы можем достичь этой цели? Как я уже говорил в Тезисе VII, институциональное разделение социологического труда и соответствующее поле власти до настоящего момента ограничивали расширение публичных социологий. Нам бы не пришлось защищать публичную социологию, если бы не было препятствий для ее реализации. Для их преодоления требуются обязательства и жертвы, которые многие уже принесли и продолжают приносить. Поэтому они стали социологами – не для того, чтобы зарабатывать деньги, а ради лучшего мира. Итак, изобилие публичных социологий уже существует. Есть и новые образования. Так, журнал «Контексты» сделал важный шаг по направлению к публичной социологии. Центральный отдел АСА приложил массу усилий по информированию и лоббированию, выпустив относящиеся к Конгрессу брифинги и регулярные пресс-релизы, а также напечатав сообщения в колонках нашего бюллетеня «Примечания». В этом году АСА объявила о новой премии, которая будет признавать достижения в публикации статей по социологическим исследованиям в СМИ. Нам нужно культивировать сотрудничество между социологией и журнализмом, потому что журналисты сами по себе являются сообществом, а также находятся между нами и множеством других групп общественности.

АСА также организовала группу для институционализации публичных социологий, которая займется тремя основными вопросами. Во-первых, как признавать и ратифицировать уже существующую публичную социологию, делая невидимое видимым, а приватное – публичным. Во-вторых, как вводить поощрения в публичную социологию,

¹ Здесь я порываю с перспективой коммунитаризма у Дюркгейма и следующими за ним Амитае Этzioni [Etzioni, 1993] и Филиппом Селзником [Selznick, 2002], которые сосредоточены на моральном отношении личности к обществу и относятся к иерархиям, доминантам, исключениям как к несчастливым вмешательствам. Не учитывая деление общества, они не обращают внимания на разделения внутри социологии и внутри научного сообщества в более широком смысле.

награждать ее усилия, признавая ее достоинства и развитие. Некоторые факультеты уже учредили награды, создали блоги, начали разрабатывать учебные программы по публичной социологии. В-третьих, если мы собираемся признавать и вознаграждать публичную социологию, необходимо разработать критерии отличия хорошей публичной социологии от плохой. И нужно решить, кто будет оценивать публичную социологию. Нужно поощрять каждую хорошую публичную социологию, что бы это ни означало. Публичная социология не может быть второсортной социологией.

Как бы ни были важны эти институциональные изменения, успех публичной социологии придет не сверху, а снизу. Он придет, когда публичная социология привлечет воображение социологов, когда социологи признают публичную социологию важной в ее собственных правилах и своих наградах, и затем, когда социологи подхватят ее как социальное движение за пределами научного сообщества. Я предвижу мириады точек пересечения, каждая из них продвигает сотрудничество социологов с их группами общности, которые потекут вместе в одном русле. Они приблизят век расширяющегося исследования, развитых теорий, практических вмешательств и критического мышления, достигнув общего понимания через множественные границы – не только и не столько через национальные, – и таким образом отбросят изолированность прошлого. Наш ангел истории затем расправит крылья и полетит над бурей.

Список источников

- Abbott A.* Chaos of Disciplines. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2001.
American Sociological Association. An Invitation to Public Sociology. Washington, DC: American Sociological Association, 2004.
Arendt H. The Human Condition. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1958.
Bellah R., Madsen R., Sullivan W. M., Swidler A. and Tipton St. Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. Berkeley, CA: University of California Press, 1985.
Benjamin, Walter. 1968. Illuminations: Essays and Reflections. Edited and with an introduction by Hannah Arendt. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
Berger P. Whatever Happened to Sociology // First Things. №126. 2002. P. 27–29.
Bielby W. Betty Dukes, et al. v. Wal-Mart Stores, Inc., 2003.
Blau P. and Duncan O. D. The American Occupational Structure. New York: John Wiley, 1967.
Bok D. Universities in the Marketplace. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste. New York: Routledge and Kegan Paul, 1986 [1979].
Bourdieu P. Homo Academicus. Stanford, CA: Stanford University Press, 1988 [1984].
Brown P., Zavestoski St., McCormick S., Mayer B., Morello-Frosch R. and Gasio R. Embodied health Movements: New Approaches to Social Movements in Health // Sociology of Health and Illness. Vol. 26. 2004. P. 50–80.

- Burris Val.* The Academic Caste System: Prestige Hierarchies in PhD Exchange Networks // American Sociological Review Vol. 69. 2004. P. 239–264.
Cole St. (ed) What's Wrong with Sociology? New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2001.
Coleman J. Equality of Educational Opportunity. Washington, DC: United States Department of Health, Education and Welfare, 1966.
Coleman J. Trends in School Segregation, 1968–1973. Washington, DC: Urban Institute, 1975.
Coleman J. "A Quiet Threat to Academic Freedom." National Review. Vol. 43. 1991. P. 28–34
Coleman J. The Power of Social Norms // Duke Dialogue 3. 1992.
Collins P. H. Black Feminist Thought. New York: Routledge, 1991.
Columbia Accident Investigation Board. Report. Vol. I. Washington, DC: Government Printing Office, 2003.
Dewey J. The Public and Its Problems. New York: Henry Holt, 1927.
Du Bois W.E.B. The Souls of Black Folk. New York: A.C. McClurg, 1903.
Ehrenreich B. Nickel and Dimed. New York: Henry Holt, 2002.
Ennis J. The Social Organization of Sociological Knowledge: Modeling the Intersection of Specialties // American Sociological Review. Vol. 57. 1992. P. 259–265.
Epstein St. Impure Science. Berkeley, CA: University of California Press, 1996.
Etzioni A. The Spirit of Community. New York: Simon and Schuster, 1993.
Evans P. Development as Institutional Change: The Pitfalls of Monocropping and the Potentials of Deliberation // Studies in Comparative International Development. Vol. 38. 2004. P. 30–53.
Fourcade-Gourinchas M. The Construction of a Global Profession: The Case of Economics. Department of Sociology, University of California, Berkeley, CA. Unpublished manuscript, 2004.
Fraser N. Justice Interruptus. New York: Routledge, 1997.
Ganson W. Life on the Interface // Social Problems. Vol. 51. 2004. P. 106–110.
Gans H. "More of Us Should Become Public Sociologists." Footnotes (July/August). № 30. 2002. P. 10.
Goodwin J. and Jasper J. (eds.) Rethinking Social Movements. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2004.
Gouldner A. The Sociologist as Partisan: Sociology and the Welfare State // American Sociologist. № 3. 1968. P.103–116.
Gouldner A. The Coming Crisis of Western Sociology. New York: Basic Books, 1970.
Habermas J. The Theory of Communicative Action. (Two Volumes). Boston, MA: Beacon, 1984.
Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, MA: MIT Press, 1991 [1962].
Han Sh.-K. "Tribal Regimes in Academia: A Comparative Analysis of Market Structure Across Disciplines // Social Networks. № 25. 2003. P. 251–80.
Horkheimer M. Eclipse of Reason. New York: Seabury Press, 1974 [1947].
Horkheimer M. and Adorno Th. Dialectic of Enlightenment. New York: Seabury Press, 1969 [1944].
Horowitz I. L. The Decomposition of Sociology. New York: Oxford University Press, 1993.
Jacoby R. The Last Intellectuals : American Culture in the Age of Academe. New York: Noonday Press, 1987.
Kang K. Characteristics of Doctoral Scientists and Engineers in the United States: 2001. Arlington, VA: National Science Foundation. Division of Science Resources Statistics, 2003.

- Kirp D.* Shakespeare, Einstein, and the Bottom Line. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.
- Lakatos I.* 1978. The Methodology of Scientific Research Programmes. Cambridge, England: Cambridge University Press
- Larson O.* and *Zimmerman J.* Sociology in Government: The Galpin-Taylor Years in the U.S. Department of Agriculture 1919–1953. University Park, PA: University of Pennsylvania Press, 2003.
- Lee A. McClung.* 1976. Sociology for Whom? // American Sociological Review. № 41. P. 925–936.
- Lippmann W.* Public Opinion. New York: Harcourt, Brace and Company, 1922.
- Lipset S. M.* and *Smelser N. J.* Sociology: The Progress of a Decade. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1961.
- Lyman St.* Militarism, Imperialism, and Racial Accommodation: An Analysis and Interpretation of the Early Writings of Robert E. Park. Fayetteville, AK: University of Arkansas Press, 1992.
- Lynd R.* 1939. Knowledge for What? The Place of Social Sciences in American Culture. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Marullo S.* and *Edwards B.* (eds.). Service-Learning Pedagogy as Universities' Response to Troubled Times // Special issue of American Behavioral Scientist. Vol. 43. P. 741–912
- McCormick S., Brody J., Brown Ph.* and *Polk R.* Public Involvement in Breast Cancer Research: An Analysis and Model for Future Research // International Journal of Health Services. Forthcoming
- Merton Robert.* Social Theory and Social Structure. Glencoe, IL: Free Press, 1949.
- Mills C. Wright.* The Sociological Imagination. New York: Oxford University Press, 1959.
- Moore K.* "Organizing Integrity: American Science and the Creation of Public Interest, Organizations, 1955–1975." American Journal of Sociology. № 101. 1996. P. 1592–1627.
- Mueller J.* War, Presidents and Public Opinion. New York: John Wiley, 1973.
- Myrdal G.* An American Dilemma: The Negro Problem and Modern Democracy. New York: Harper and Row, 1944.
- Ostrow J., Hesser G., and Enos S.* (eds.). Cultivating the Sociological Imagination: Concepts and Models for Service-Learning in Sociology. Washington, DC: American Association for Higher Education, 1999.
- Pager D.* The Mark of a Criminal Record. Ph.D. dissertation, Department of Sociology, University of Wisconsin, Madison, WI, 2002.
- Park R.* The Crowd and the Public. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1972 [1904].
- Parsons T.* The Structure of Social Action. New York: McGraw Hill, 1937.
- Parsons T.* The Social System. New York: Free Press, 1951.
- Parsons T.* An Outline of the Social System // Theories of Society, edited by T. Parsons, E. Shils, K. Naegle and J. Pitts. New York: The Free Press, 1961. P. 30–79.
- Patterson O.* The Last Sociologist // The New York Times, May 19th. 2002.
- President's Research Committee on Search Trends.* Recent Social Trends in the United States. New York: McGraw-Hill, 1933.
- Purser G., Schalet A. and Sharone O.* Berkeley's Betrayal: Wages and Working Conditions at Cal. Presented at the annual meeting of the American Sociological Association, August 16, San Francisco, CA, 2004.
- Putnam R.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster. 2001.
- Rhoades L.* A History of the American Sociological Association, 1905–1980. Washington, DC: American Sociological Association. 1981.
- Riesman D.* The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character. New Haven, CT: Yale University Press. 1950.
- Ryan Ch.* Can We Be Compañeros // Social Problems. № 51, 2004. P.110–13.
- Schurman R.* and *Munro W.* Intellectuals, Ideology, and Social Networks: The Process of Grievance Construction in the Anti-Genetic Engineering Movement. Department of Sociology, University of Illinois, Urbana-Champaign, IL. Unpublished manuscript. 2004.
- Selznick Ph.* The Communitarian Persuasion. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press. 2002.
- Sen A.* Development as Freedom. New York: Random House. 1999.
- Sennett R.* The Fall of Public Man. New York: W.W. Norton. 1977.
- Sitas Ari.* The Waning of Sociology in South Africa // Society in Transition № 28. 1997. P.12–19.
- Skocpol Th.* Diminished Democracy: From Membership to Management in American Civic Life. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 2003
- Smith D.* The Everyday World As Problematic. Boston, MA: Northeastern University Press. 1987.
- Spalter-Roth R.* and *Erskine W.* Academic Relations: The Use of Supplementary Faculty. Washington, DC: American Sociological Association. 2004.
- Stacey J.* Marital Suitors Court Social science Spin-sters: The Unwittingly Conservative Effects of Public Sociology // Social Problems. № 51. 2004. P.131–145.
- Stacey J.* and *Biblarz T.* (How) Does the Sexual Orientation of Parents Matter? // American Sociological Review. № 66. 2001. P. 159–183.
- Stouffer S.I* et al. The American Soldier. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1949.
- Strand K., Marullo S., Cutforth N., Stoecker R.* and *Donohue P.* Community-Based Research and Higher Education. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2003.
- Turner St.* and *Turner J.* 1990. The Impossible Science: An Institutional Analysis of American Sociology. London and Newbury Park, CA: Sage Publications.
- Uggen Ch.* and *Manza J.* Democratic Contraction? Political Consequences of Felon Disenfranchisement in the United States // American Sociological Review. № 67. 2002. P. 777–803.
- Vaughan D.* Public Sociologist by Accident // Social Problems. Vol. 51. 2004. P. 115–118.
- Waite L.* and *Gallagher M.* The Case for Marriage. New York: Doubleday, 2000.
- Wallerstein I., Juma C., Keller E. F., Kocka J., Lecourt D., Mudkimbe V.Y., Miushakoji K., Prigogine I., Taylor P. J., and Trouillot M.-R.* Open the Social Sciences: Report of the Gulbenkian Commission on the Restructuring of the Social sciences. Stanford, CA: Stanford University Press, 1996.
- Wacquant L.* Following Bourdieu into the Field // Ethnography. Vol. 5. №4. 2004.
- Warner M.* Publics and Counterpublics. New York: Zone Books, 2002.
- Webster E.* Sociology in South Africa: Its Past, Present and Future // Society in Transition. № 35. 2004. P. 27–41.
- Wilson W. J.* When Work Disappears. New York: Knopf, 1996.
- Wolfe A.* Whose Keeper? Berkeley, CA: University of California Press, 1989.

Перевод А. Балджи под редакцией
Е. Ярской-Смирновой и П. Романова